

БАРОНЪ

МИОПХАУЗЕНЪ.

hch,

1183

—
54

Oruk

genis,

Посвящается Русскимъ Дѣтямъ.

ПУТЕВЫЯ ЧУДЕСНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ

БАРОНА

МЮНХАУЗЕНА

(Передѣлано съ Англійскаго языка).

LONDON:

TRUBNER & CO. 60 PATERNOSTER ROW.

1860.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дѣти, у васъ есть свои грустныя минуты, въ которыя необходимъ душевный отдыхъ, какъ роса необходима поблекшему цвѣтку. Въ эти минуты чтеніе легкой и комической книги освѣжаетъ мысль и чувство. Смѣхъ иногда также нуженъ человѣку, какъ и слезы. Они идутъ въ жизни рядомъ, рука объ руку, какъ пасмурный старикъ съ веселымъ юношей, какъ мать въ глубокомъ траурѣ съ счастливой невѣстой. Посмотрите на природу; она чередуетъ туманные и ненастные

дни съ ясными ; и прелесть майскаго утра мы любимъ и цѣнимъ только потому, что есть осенняя непогода и зимній холодъ.

Книга Мюнхаузена заставляеть смѣяться, какъ хохоть и гримаса умнаго фигляра. Но не въ этомъ главная цѣль ея. Всмотритесь глубже, и вы увидите, что она вызываетъ на вопросы, и подъ видомъ юмора даетъ горькіе уроки. Она осмѣиваетъ чудесное, представляя его въ карикатурѣ; она ложью разрушаетъ ложь, а это очень важно въ вашемъ воспитаніи.

Вы, конечно, помните то время, когда вы засыпали въ колыбели подъ говоръ или пѣсню няньки, когда васъ пугали ночными привидѣніями или заставляли вѣрить всякому вздору. Съ этого начинается несчастное воспитаніе каждого изъ насъ. Прежде чѣмъ мы принимаемъ чистыя и вѣрныя понятія, насъ окружаетъ міръ ложныхъ вѣрованій. Онъ заслоняетъ отъ насъ, какъ темная пе-

лена, лицевую сторону жизни и природы ; онъ приучаетъ насъ къ нравственному безсилію и рабству. Когда мы подростаемъ, эти первыя впечатлѣнія долго, иногда цѣлую жизнь преслѣдуютъ насъ, какъ дурные сны суетворную старуху. Намъ все кажется, что духи и домовые, о которыхъ мы слышали отъ нянекъ, дѣйствительно существуютъ. Подъ вліяніемъ этой увѣренности, насъ беспокоитъ ложный страхъ, сомнѣніе и раздумье ; они отравляютъ лучшіе часы въ жизни, наводя тоску и апатію.

Вѣра въ чудесное есть признакъ невѣжества и страха. Человѣкъ живетъ ею въ ту пору, когда кругъ познаній его тѣсенъ, когда онъ не разсуждаетъ. Вѣру принимаетъ фантазія, то есть, та способность, которая, подобно магическому зеркалу, раскрашиваетъ, преувеличиваетъ и измѣняетъ дѣйствительные предметы. Кто живетъ только одной фантазіей, тотъ дѣйствуетъ, какъ лунатикъ,

въ сферѣ призраковъ и иллюзій. Совсѣмъ иначе работаетъ умъ ; онъ постоянно допытывается положительнаго факта, наблюдаетъ, сравниваетъ и анализируетъ. Чѣмъ скорѣй мы переходимъ отъ перваго состоянія ко второму, т. е. чѣмъ больше начинаемъ работать умомъ и чѣмъ меньше фантазіей, тѣмъ умственное развитіе вѣрнѣй и успѣшнѣй. Оно вытѣсняетъ вѣру, какъ твердое металлическое тѣло вытѣсняетъ жидкое. Кто, на примѣръ, изъ насъ не вѣрилъ искренно, въ ту басню, что Іисусъ Навинъ остановилъ солнце или Моисей раздвинулъ палкой воды Краснаго Моря и перешелъ черезъ него, какъ по сухой землѣ? Въ десять или двѣнадцать лѣтъ мы принимали эти вымыслы за истины, да еще божественныя. Есть милліоны людей, которые съ этой вѣрой умираютъ. Но положимъ, что мы всѣ—отъ перваго и до послѣдняго—знаемъ законы природы и, на основаніи ихъ, умѣемъ провѣрить эти

явленія ; тогда мы сочли бы ихъ точно такой же сказкой, какъ рожденіе Минервы изъ мозга Юпитера или восхожденіе Мюнхаузена на луну. Поэтому чѣмъ мы раньше начинаемъ думать и понимать дѣйствительныя вещи, тѣмъ скорѣй освобождаемся отъ слѣпой вѣры.

Вѣра въ чудесное необычайно вредитъ намъ. Она вредитъ сама по себѣ—тѣмъ, что отнимаетъ у нашего ума силу и энергію. Вмѣсто того, чтобъ самимъ доискиваться истины, мы беремъ чужую выдумку за аксіому и, не замѣчая ея нелѣпости, повторяемъ ее, какъ затверженную молитву, которой не понимаемъ, какъ пословицу, которую постоянно слышимъ. Переходя изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, эта выдумка обращается въ законъ, и мы привыкаемъ къ нему, какъ овца къ своему стойлу. Если явится умъ яркій, смѣлый, и станетъ доказывать намъ, что это ложь, большинство

сердится и проклиняетъ его. За такое благородное обличеніе жи много погибло славныхъ людей: Аѳиняне отравили Сократа, католическіе монахи сожгли Савонаролу и сгубили Галилея; Испанскіе инквизиторы замучили тысячи жертвъ ужасными муками.

Но гораздо больше вредить намъ вѣра тѣмъ, что ее употребляютъ, какъ пугало, какъ орудіе обмана. Тиранны, попы, монахи, политики морочатъ насъ адомъ, страшнымъ судомъ, чертями и ангелами, какъ морочили васъ няньки привидѣніями. Они знаютъ, что чѣмъ мы глупѣй, тѣмъ больше будемъ вѣрить на-слово, а это очень выгодно для нихъ. Пользуясь нашей простотой, они стараются одурачить насъ на каждомъ шагу; они, напримѣръ, выдаютъ за несомнѣнную истину, что царя посылаетъ Богъ, какъ будто онъ такъ золъ и безразсуденъ, чтобъ опредѣлить въ правители народа такого тигра, какъ бытъ

Иванъ Грозный или такого идіота, какъ былъ Петръ III; они увѣряютъ насъ, что наши труды, состояніе, способности принадлежать имъ, какъ полнымъ хозяевамъ, и потому багатѣютъ и наслаждаются насчетъ нашей бѣдности, слезъ и страданій; мы постоянно желаемъ и просимъ свободы и мира, а они сѣютъ между нами раздоръ и неволю; мы рвемся изъ старыхъ цѣпей, а они куютъ намъ новыя. И все это дѣлается ими подъ тѣмъ мерзкимъ предлогомъ, что будто бѣ они наши отцы и покровители. Чтобъ держать насъ въ темнотѣ и обманѣ, они запрещаютъ свободно мыслить, говорить и писать, увѣряя, что свобода мысли и совѣсти опасна для народа. Если бѣ это было такъ, то почему Америка и Англія не видятъ этой опасности и не знаютъ ни смутъ, ни гражданскихъ войнъ, хотя тамъ люди думаютъ свободно, по крайней мѣрѣ, сво-

боднѣй чѣмъ во Франціи или Россіи. Поразсудите надъ всѣмъ этимъ, и вы убѣдитесь, что ложь опутываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, какъ свивальники малыхъ дѣтей. На лжи стоитъ олтарь, престолъ, счастье нѣсколькихъ обманщиковъ и несчастье народовъ.

Вотъ почему, дѣти, надо больше думать своимъ, а не чужимъ умомъ, стараясь поставить всякій предметъ въ томъ настоящемъ свѣтѣ, въ какомъ онъ, дѣйствительно, стоитъ. Конечно, такая работа нелегка, но труда нечего бояться; когда плоды его хороши. Къ сожалѣнію, школа, учитель, большая часть отцовъ и матерей поступаютъ съ вами совершенно обратно. Они приказываютъ, а не убѣждаютъ; они заставляютъ вѣрить, а не размышлять; они воспитываютъ будущія машины, но не будущихъ людей и гражданъ. Трудно выразить, какихъ слезъ, и мученій намъ стоитъ эта горькая ошибка.

Повторяю, рассказы Мюнхаузена, кромѣ смѣха, отучаютъ отъ вѣры въ чудесное. И если они дадутъ вамъ этотъ плодъ, результатъ ихъ будетъ самый полезный. Не забудьте, что вы только начинаете свою жизнь; наше поколѣніе, вѣрно, умереть съ цѣпами на рукахъ и съ безсильнымъ ропотомъ въ груди; но передъ вами свѣтитъ будущее, свобода вашихъ братьевъ. Любите народъ — выше и святѣ этого чувства нѣтъ ничего на землѣ.

К. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Стр.

Отъѣздъ Барона изъ Голландіи. Странная встрѣча на одномъ островѣ. Прибытіе на Цейлонъ и побѣда надъ крокодиломъ и львомъ.	1

ГЛАВА II.

Путешествіе Барона въ Италію и Россію. Ночлегъ на деревенскомъ кладбищѣ. Мнѣніе о Петербургѣ.	9

ГЛАВА III.

- Охота Бароча за дикими утками. Новый способ добывать огонь. Выстрѣлъ по лисицѣ, Поимка дикаго кабана. . 15

ГЛАВА IV.

- Баронъ сажаетъ вишневое дерево на лбу оленя. Верховая прогулка на медвѣдѣ. Встрѣча съ бѣшеной собакой въ Петербургѣ. 19

ГЛАВА V.

- Любимая собака Барона. Преслѣдованіе лани и рожденіе щенковъ. Война подъ Очаковомъ и побѣда надъ Турками. 24

ГЛАВА VI.

- Восхожденіе Барона на луну. Спускъ его на землю. Служба Султану и посольство въ Петербургъ. 31

ГЛАВА VII.

- Пріѣздъ въ Москву и описаніе ея. Видъ съ Ивана Великаго. 35

ГЛАВА VIII.

Опасное купанье въ Средиземномъ морѣ;
 Баронъ попадаетъ въ брюхо рыбы и
 остается тамъ болѣе четырехъ часовъ. 39

ГЛАВА IX.

Баронъ сбиваетъ воздушный шаръ на зе-
 млю и спасаетъ ученаго Француза. Пу-
 тешествіе его по Нилу и милость Сул-
 тана. 42

ГЛАВА X.

Путешествіе Барона по Сибири и пребы-
 ваніе его на ледовитомъ океанѣ. . 48

ГЛАВА XI.

Родословная Барона и его бѣгство изъ
 Африки въ Голландію. Странная встрѣ-
 ча его съ отцомъ, въ кулачномъ бою. 54

ГЛАВА XII.

Баронъ, съ помощію шолковаго шара, пе-
 реставляетъ зданія съ одного мѣста
 на другое. Его потѣшныя выходки съ
 парламентомъ и лордами. . . 59

ГЛАВА XIII.

- Второе путешествіе по Ледовитому океану. Знакомство съ бѣлыми медвѣдями и избитіе ихъ. 62

ГЛАВА XIV.

- Прогулка по Кавказу. Плѣнъ Барона. Лечение его на берегу Каспійскаго моря. 67

ГЛАВА XV.

- Прорытіе Суэзскаго канала. Праздникъ въ Александріи и побѣда Барона надъ Типпо-Сайбомъ. 70

ГЛАВА XVI.

- Освобожденіе плѣнныхъ Англичанъ на французскомъ кораблѣ. 75

ГЛАВА XVII.

- Путешествіе по океану; открытіе дичи внутри тюленя. Чутье Трезора. 77

ГЛАВА XVIII.

- Второе путешествіе на луну. Описаніе ея жителей и образа ихъ жизни. 80

ГЛАВА XIX.

Сонъ Барона въ пушкѣ и опасное положеніе его.	86

ГЛАВА XX.

Путешествіе Барона въ горѣ Этнѣ. Знакомство его съ Вулканомъ. Пребываніе внутри кита и кругосвѣтное плаваніе.	88

ГЛАВА XXI.

Прогулка на орлѣ по земному шару.	103

ГЛАВА XXII.

Сборы и приготовленія Барона къ путешествію по внутренней Африкѣ.	113

ГЛАВА XXIII:

Кораблекрушеніе у Гвинейскаго берега и наказаніе торгашей человѣческимъ мясомъ.	118

ГЛАВА XXIV.

Опасное прохожденіе Африканскихъ пустынь и приходъ Барона въ царство дикарей.	122

ГЛАВА XXV.

Приѣмъ Барона Африканскимъ царемъ.	
Управленіе его народомъ. Совѣты мудреца Гиларъ Фростикоса.	127

ГЛАВА XXVI.

Постройка удивительнаго моста между Африкой и Великой-британіей. Возвращеніе Барона въ Англію и слава его имени.	135

ПУТЕВЫЯ ЧУДЕСНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ БАРОНА МЮНХАУЗЕНА.

ГЛАВА I

лушайте,
дѣти, что я
разскажу
вамъ о
своихъ
похожде-
ніяхъ. Въ
нихъ такъ

много удивительнаго, что я прошу васъ больше
думать, чѣмъ вѣрить моему разсказу.
Я буду доволенъ именно тѣмъ, если отучу васъ
вѣрить на-слово разнымъ небылицамъ, ко-

торыми окружаютъ вашу дѣтскую колыбель няньки и мамки. Вотъ начало моей фантастической повѣсти.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ моя борода возвѣстила мнѣ о зрѣломъ возрастѣ, или говоря проще, когда я вышелъ изъ юношей и не попалъ въ мужа, т. е. когда я былъ ни тѣмъ, ни другимъ, сильно мнѣ захотѣлось посмотрѣть на міръ. Хотя мой отецъ самъ много таскался по свѣту, но онъ вовсе не сочувствовалъ моему пылкому желанію; объ этомъ я скажу вамъ послѣ. Иначе думалъ мой дядя; онъ любилъ меня и былъ согласенъ потѣшить мое любопытство: его красная рѣчь лучше моего несвязнаго лепета подѣйствовала на моего родителя; и вотъ отецъ согласился повести меня съ собой на островъ Цейлонъ, гдѣ родственникъ нашъ давнымъ-давно былъ губернаторомъ.

Мы отплыли изъ Амстердама, съ разными депешами отъ Высокомочной Голландіи. Признаться, путь былъ бы очень скученъ и однообразенъ, еслибъ не случилось одного замѣчательнаго происшествія. У береговъ какого-то острова (простите—не помню его имени) мы бросили якорь, чтобъ запастись дровами и

прѣсной водой, что очень важно, какъ вы знаете, въ морскомъ путешествіи. На этомъ-то островѣ вдругъ поднялась такая страшная буря, что вырвала нѣсколько деревьевъ съ корнями. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень тяжелы, но вѣтеръ поднималъ ихъ на воздухъ, какъ соколиныя перышки, и унесъ надъ землею такъ высоко, что чуть-чуть можно было видѣть ихъ. Какъ только унялась буря, они опустились внизъ перпендикулярно, и каждое легло корнемъ на прежнее мѣсто; только на вѣтвяхъ одного, которое летѣло быстрѣй и горизонтально, откуда ни возмись — очутились мужъ съ женой, — почтенная старая чета, очень интересная тупымъ выраженіемъ глазъ и совершеннымъ отсутствіемъ лба; они преспокойно, какъ будто въ огородѣ рвали, плоды съ этого дерева, а оно мчалось съ ними едва ли не быстрѣй лучшей почтовой лошади. Но тутъ случилась и бѣда, которую, если хотите, лучше назвать счастіемъ. Дѣло въ томъ, что это странное дерево упало на голову начальнику острова, и убило его на-поваль. Если бѣ оно поразило добраго человѣка, я называлъ бы это событіе дѣйствительнымъ несчастіемъ, и вы, вѣрно, пожалѣли бы вмѣстѣ со мной; но, къ

общему нашему утѣшенію, дерево было не такъ глупо, какъ думаютъ о немъ; оно рухнулось на отвратительнаго скрягу и тиранна. Начальникъ былъ жестокій деспотъ; онъ мучилъ свой народъ тяжелыми налогами, разорялъ и развращалъ попами, полиціей, чиновниками, такъ что подданнымъ его было не легче, чѣмъ каторжникамъ, а въ царствѣ его было не лучше, чѣмъ въ темной и наглухо-запертой тюрьмѣ. Подумайте хорошенько, и вы согласитесь, что смерть такого злодѣя должна быть общей радостью всякаго добраго сердца.

Этотъ бездушный тиранъ былъ очень скупъ; его палаты блесѣли необычайной роскошью, а подданные, блѣдные, исхудалые, замученные трудомъ и страхомъ, едва-едва не умирали съ голоду. Потому жители, изъ благодарности къ дереву, убившему этого урода, рѣшились избрать себѣ правителемъ того самаго чудака, который упалъ къ нимъ съ облаковъ, совершенно случайно.

Отправившись отъ бури и поздравивъ новаго царя, мы поспѣшили, подъ благопріятнымъ вѣтромъ, пуститься въ дальній путь.

Около шести недѣль мы плыли до Цѣйлона,

гдѣ насъ встрѣтили очень гостепріимно и вежливо. Но и здѣсь я испыталъ слѣдующее приключеніе.

Недѣли черезъ двѣ, послѣ нашего пріѣзда на островъ, я провожалъ одного изъ братьевъ губернатора на охоту. Это былъ юноша крѣпкихъ атлетическихъ силъ и, привыкнувъ къ жару полуденнаго солнца, выносилъ его лучше меня. Въ то время, когда онъ уже былъ въ глубинѣ непрогляднаго лѣса, я только подошелъ къ его опушкѣ.

Задумавшись на берегу ручья, я вдругъ услышалъ позади себя размашистый шорохъ; оборотившись, я остолебѣлъ отъ испуга, увидѣвъ (что бы вы думали?) ужаснаго льва; дикій звѣрь шелъ прямо на меня, съ явнымъ желаніемъ утолить свой голодъ на-счетъ моего трупа, вовсе не спрашивая о томъ, хочу ли я предложить себя на завтракъ ему. Что было дѣлать при такой неожиданной встрѣчѣ? Думать было нѣкогда; ружье было заряжено мелкой дробью, а другою со мной не было. Хотя я вовсе не надѣялся убить своего врага изъ такого оружія, однако жъ попытался испугать его выстрѣломъ и, на случай удачи, ранить. Выстрѣлъ раздался, хотя левъ еще былъ далеко внѣ его; теперь онъ освирипѣлъ и

удвоилъ шаги, наступая на меня. Я попробовалъ бѣжать, но одна бѣда не приходитъ ; положеніе мое съ каждой минутой затруднялось : едва я повернулся назадъ, какъ передъ мной очутился огромный крокодилъ, съ разинутой пастью ; направо лежалъ потокъ воды, налѣво глубокая пропасть, такъ-что куда ни повернись — вездѣ неминуемая гибель. Растерявшись духомъ, я въ полузабытій упалъ на землю въ тотъ самый моментъ, когда левъ готовъ былъ броситься на меня ; но, скакнувъ, онъ перепрыгнулъ черезъ мое тѣло. Трудно сказать, въ какомъ состояніи я находился въ эту минуту ; подъ вліяніемъ напуганнаго воображенія, мнѣ представилось, что зубы разъяреннаго вепря уже вонзились въ мои мускулы ; холодный потъ выступилъ на лицѣ и сердце забилося, какъ секунднѣйшій маятникъ. Пролежавъ, однако, въ этомъ положеніи ни живой, ни мертвый, я почувствовалъ и услышалъ за собой необычайный шумъ, какого отъ роду не приводилось слышать. Приподнявъ потихоньку голову, я оглянулъ, что вокругъ меня происходило ; съ невыразимымъ удовольствіемъ я замѣтилъ, что левъ, въ припадкѣ ярости, бросившись на меня, промахнулся и попалъ въ раскрытую глотку крокодила. Го-

лова одного была въ зубахъ другого, и они начали отчаянную борьбу, что доставило мнѣ случай увидѣть самую кровопролитную сцену. Вспомнивъ, что со мной былъ охотничій ножъ, я вскочилъ и, съ одного размаха, отрубилъ голову льву, а другимъ, тупымъ концемъ, воткнувъ его въ горло крокодила, задушилъ и это животное.

Такъ побѣда была полная; между тѣмъ, товарищъ мой, думая, что я заблудился въ лѣсу или повстрѣчался съ какимъ нибудь несчастьемъ, шелъ отыскивать меня. Поздравивъ другъ друга съ удачнымъ спасеніемъ, мы измѣрили крокодила, и нашли, что онъ былъ сорокъ футовъ длиной.

Разсказавъ это происшествіе губернатору, я возбудилъ общее удивленіе. Онъ велѣлъ немедленно привести домой убитыхъ звѣрей. Шкура льва, очень хорошо сохраненная и передѣланная въ табачные мешечки, была представлена мной Голландскимъ Бургомистрамъ, а они упросили меня принять тысячу дукатовъ.

Изъ крокодила же мы набили чучелу, которое составляетъ одну изъ капитальныхъ рѣдкостей Амстердамскаго музеума. Показывая ее посѣтителемъ, старый смотритель очень

наивно повторяетъ исторію моей побѣды, раскрашивая ее на свой ладъ, какъ это, обыкновенно, бываетъ въ подобныхъ случаяхъ и называя меня “господинъ великій баронъ.” Иногда онъ такъ завирается, что будто крокодилъ, повернувъ хвостомъ, вышибъ у меня ножъ изъ руки и, проглотивъ его нечаянно, разрѣзалъ себѣ сердце, отчего и умеръ немедленно. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ прибавляетъ, что будто я, ухвативъ льва за гриву, отрубилъ ему голову такъ легко, какъ голубю.

Послѣ этого я начинаю бояться, что справедливость моей повѣсти будетъ заподозрѣна; иной подумаетъ, что всѣ эти нелѣпости я изобрѣлъ самъ, ради пустой потѣхи моихъ маленькихъ читателей. Впрочемъ есть пословица: “не любо не слушай, а лгать не мѣшай.”

ГЛАВА II.

Если вы знаете, что такое тропическій жаръ и бѣдная жизнь на Цейлонѣ, вы повѣрите, что я охотно оставилъ и островъ и южное солнце. И вотъ корабль понесъ меня къ берегамъ Италіи, страны цвѣтовъ, поэзіи и католическаго безумія. Италія рисовалась въ моей молодой фантазіи земнымъ раемъ, гдѣ пѣсня, весна и полное счастье человѣка никогда не прекращаются. На дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе; посмотрѣвъ на толстыхъ и пьяныхъ монаховъ, увидѣвъ жирнаго и тупоглазаго папу, окруженнаго китайскимъ церемоніаломъ, пожалѣвъ о бѣдности прекраснаго народа, я рѣшился побывать въ странѣ снѣговъ, — на другомъ концѣ Европы. Среди зимы я отправился въ Россію. Легко одѣтый и верхомъ я чувствовалъ дѣйствіе холода тѣмъ сильнѣй, чѣмъ ближе подавался къ сѣверовостоку. Вступивъ на границу Польши, первый предметъ, замѣченный мной на дорогѣ,

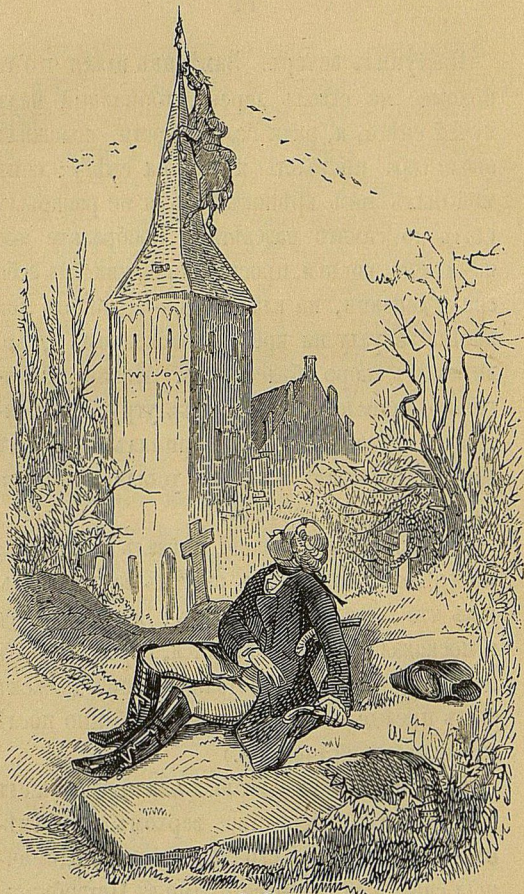
былъ бѣдный старикъ полунагой, дрожавшій отъ морозу, голодный и истомленный, онъ лежалъ на перепутыи; мнѣ стало жалко бѣдняка. Хотя я самъ былъ одѣтъ не очень тепло, но все же мнѣ было лучше этого несчастнаго старика. Снявъ верхній плащъ, я покрылъ имъ окаченѣвшаго нищаго, и услышалъ отъ него слово искренней благодарности. “Ваше доброе дѣло, сказалъ онъ, не погибнетъ даромъ; васъ сторицей вознаграждать тотъ, кто сильнѣй и справедливѣй насъ.”

Я продолжалъ ѣхать. На пути моемъ, необыкновенно монотонномъ и безлюдномъ, кой-гдѣ попадались деревни, построенныя безъ плана, занесенныя снѣгомъ и съ виду очень бѣдныя. Узкія окна, дыравыя крыши, бревенчатые заборы или плетни, иногда лай собаки, иногда печальная пѣсня горемыки—крестьянина, все это наводило на душу тяжелую тоску. На бѣлой, безбрежной скатерти снѣга, ослѣпительной бѣлизны, не было ни одной отрадной картины. Да, подумалъ я, царская власть не хуже мороваго повѣтрія проходить по народу,—подумавъ это, я далъ шпоры уставшему коню, и поѣхалъ дальше.

Наступилъ вечеръ. Замѣтивъ вдали что-то похожее на стволъ дерева, торчавшій надъ кучей снѣга, я, ради безопасности, положилъ около себя пистолеты и легъ на снѣгу; сонъ мой былъ такъ крѣпокъ, что я не раскрылъ глазъ до самаго разсвѣта. Вообразите мое изумленіе, когда я, проснувшись, увидѣлъ себя среди деревни, на кладбищѣ,—а лошадь моя висѣла за узду на крестѣ колокольни. Дѣло впрочемъ скоро объяснилось. Наканунѣ, деревню занесло снѣгомъ, а къ утру онъ разстаялъ. Что я вечеромъ принялъ за стволъ дерева, привязавъ къ нему усталаго коня, то было высокой церковью.

Не размышляя дальше, я взялъ пистолеть, выстрѣлилъ по уздѣ и разсѣкъ ее пополамъ, такъ что лошадь упала внизъ; я сѣлъ на нее и поскакалъ дальше. (Кажется, Баронъ забылъ на этотъ разъ свое скотолубіе; онъ долженъ былъ прежде накормить коня, особенно послѣ такой голодной стоянки.)

Углубившись въ Россію, я наконецъ нашелъ неудобнымъ путешествіе верхомъ. Примѣняясь къ обычаямъ страны, я сѣлъ въ одиночныя сани и отправился прямо въ Петербургъ. Не помню гдѣ,—но это было ночью—я встрѣ-

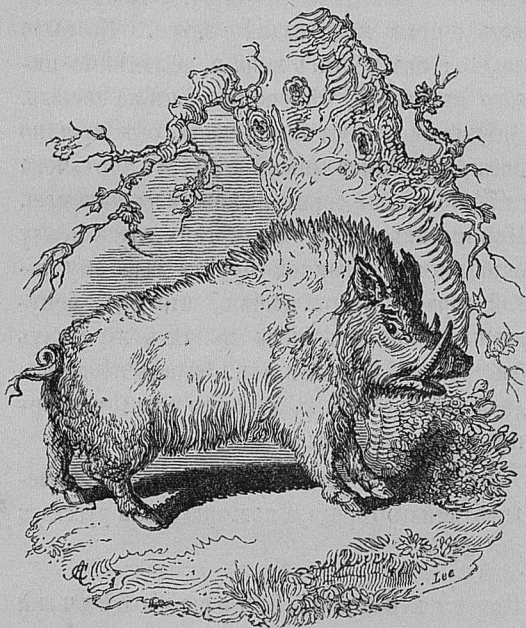

тился съ голоднымъ волкомъ. Уставивъ въ меня огненные зрачки, онъ долго гнался за санями. Спасенія не было; прикинувъ ницъ, я пустилъ лошадь во всю прыть, чтобъ избѣжать погони кровожаднаго звѣра. Но было поздно; онъ настигъ меня и, не замѣтивъ никого въ саняхъ, бѣжено бросился на лошадь. Вцѣпившись въ ея заднія части, онъ яростно пожиралъ бѣдное животное до тѣхъ поръ, пока ея обглоданный остовъ не повалился на землю. Приподнявъ голову и замѣтивъ волка между оглоблями и въ конной сбруѣ, я далъ ему такой горячій ударъ плетью, что онъ, испугавшись, помчалъ меня въ тѣхъ же саняхъ быстрѣй съѣденной клячи. Черезъ нѣсколько дней мы прибыли въ Русскую столицу совершенно благополучно.

Не стану обременять васъ описаніемъ великолѣпнаго города, а повторю стихи русскаго поэта;

Городъ пышный, городъ бѣдный
 Духъ неволи, стройный видъ;
 Сводъ небесъ лазурно—блѣдный
 Скука, холодъ и гранитъ.

Въ этой прекрасной строфѣ заключается вся фizioномія казарменной столицы, и мнѣ больше нечего прибавить къ ней.

ГЛАВА III.

Прежде чѣмъ я поступилъ въ армію, нѣсколько мѣсяцевъ были для меня непрерывнымъ рядомъ праздниковъ; я провелъ ихъ среди полного разгула, въ кругу такихъ друзей, которые не жалѣютъ ни времени, ни денегъ. Вы можете представить, что я не отставалъ отъ своихъ пріятелей-собутельниковъ. И теперь, когда я припоминаю эту буйную жизнь, мнѣ хотѣлось бы повторить ее: такъ она правилась беззаботной юности. Какъ водится, это время мелькнуло не безъ странныхъ приключеній; я расскажу о нихъ.

Однажды утромъ, проснувшись, я увидѣлъ изъ окна большій прудъ, покрытый дикими утками. Снявъ ружье съ стѣны, я спустился внизъ съ такой поспѣшностью, что наткнулся носомъ прямо на дверь. Толчекъ былъ такъ силенъ, что искры посыпались изъ глазъ. Но это не остановило моего намѣренія; подошедъ на ружейный выстрѣлъ и прицѣпившись, я, къ крайнему неудовольствію, замѣтилъ, что кремень соскочилъ съ замка, во время моего столкновенія съ дверью. Времени не лѣзя было терять. Чтобъ достать искру, я ударилъ себя кулакомъ въ лѣвый глазъ; огонь снова

посыпался, упалъ на порохъ, и ружье выпалило. Да и какъ чудесно выпалило! Однимъ ударомъ я убилъ пятьдесятъ паръ утокъ, двадцать нырковъ и три пары селезней. Присутствіе духа—главный органъ великихъ дѣлъ. Моряки и воины часто обязаны ему спасеніемъ; охотники успѣхомъ своихъ предпріятій.

Бродя въ дремучемъ Муромскомъ лѣсу, я увидѣлъ превосходную черную лисицу; жалко было портить ея драгоцѣнную шкуру пулюю или дробью. Лисица прижалась къ дереву. Въ одно мгновеніе ока, я вынулъ изъ ружья пулю и на мѣсто ея опустилъ острый гвоздь. Прицѣлившись хорошенько, я такъ удачно выстрѣлилъ, что пригвоздилъ пушистый хвостъ хитраго звѣря къ самому дереву. Потомъ подошелъ и взялъ его живаго. Потомъ эта лисица, вѣроятно изъ благодарности, полюбила меня, какъ добрая собака.

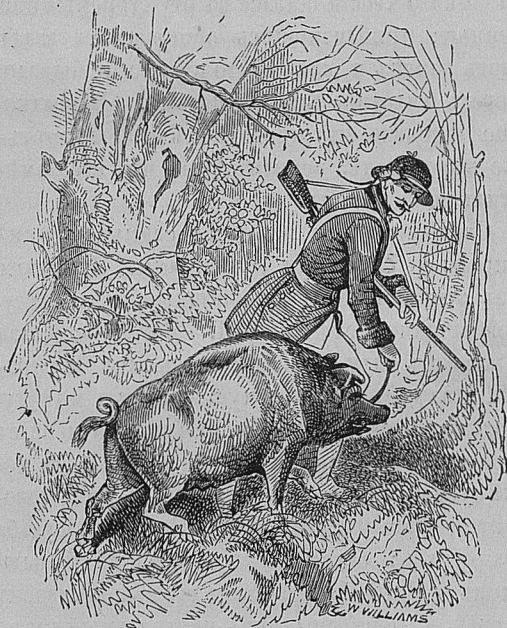
Черезъ нѣсколько дней я имѣлъ новую и болѣе счастливую встрѣчу. Разхаживая по дубравѣ, я замѣтилъ двухъ дикихъ кабановъ; они изволили идти очень тихо, и такъ, что задній держалъ въ зубахъ хвостъ передняго. Такая свинская прогулка удивила меня. Я снялъ ружье и ударилъ въ нихъ; пуля разорвала хвостъ, не сдѣлавъ болѣе серьезнаго

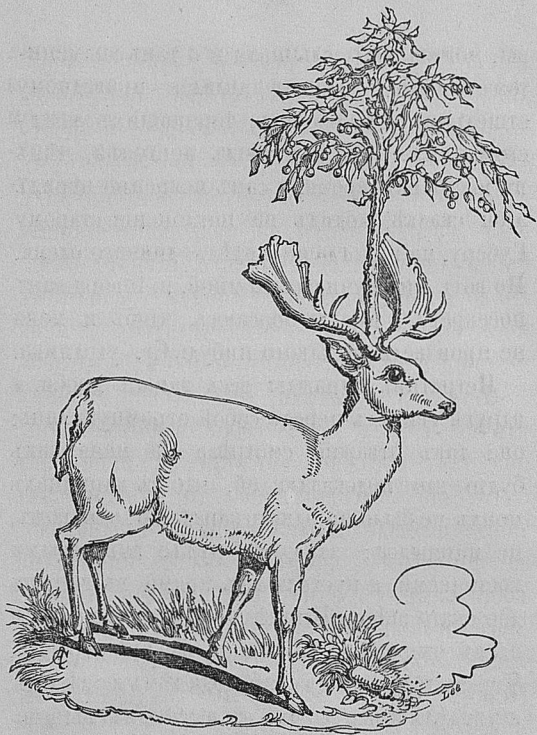

вреда. Передній боровъ бросился бѣжать, а задній остался неподвижно на прежнемъ мѣстѣ. Разсмотрѣвъ дѣло, я догадался, что послѣдній былъ старый и слѣпой кабанъ, руководимый первымъ, конечно, по чувству сыновней любви. Между тѣмъ, конецъ разрѣзаннаго хвоста остался во рту горемычной свиньи; приблизившись осторожно, я взялъ этотъ конецъ и, какъ будто ничего не бывало, повелъ животное тихимъ шагомъ. Вѣроятно оно подумало, что проводникъ его былъ тотъ-же поросенокъ, неподозрѣвая, что его замѣстилъ самъ Баронъ.

Свирѣпы и злы эти дикія свиньи, но онѣ ангелы въ сравненіи съ вепрями. На одного изъ этихъ чудовищъ я наткнулся въ лѣсу, совершенно беззащитный. Вовсе не желая пробовать силу его желѣзнаго клыка, я спрятался за дубъ, въ ту самую роковую минуту, когда кровожадный звѣрь ринулся на меня съ неотразимой алчностью; опасность была неминуемая, и я такъ испугался, что, какъ говорится, душа ушла въ пятки. Но и тутъ судьба выручила: схвативъ тяжеловѣсный булыжникъ, я такъ мѣтко пустилъ его въ лобъ своему врагу, что онъ, получивъ цѣнтальный ударъ

въ самое темя, завертѣлся шаромъ на одномъ мѣстѣ. Пока онъ приходилъ въ разумъ, я успѣлъ сходить въ деревню, взять веревку и потомъ привести его домой въ полномъ здравіи. Послѣ всего этого, я прославился счастливейшимъ охотникомъ.

ГЛАВА IV.

Вы, конечно, слышали, что Св. Губеръ слы-
ветъ за покровителя ловцовъ и охотниковъ,

вы, можетъ быть слышали и о томъ знамени-
томъ оленѣ, который являлся праведному
отшельнику съ крестомъ, торчавшимъ между
его рогами. Когда я былъ поглупѣй, чѣмъ
въ настоящее время, я самъ искренно вѣрилъ
этой сказкѣ, ходилъ на поклоненіе старому
Губеру, но никогда не видѣлъ дивнаго оленя.
Но вотъ что случилось со мной, и, говоря вамъ
посекрету, я иногда опасаюсь, чтобъ и меня
не произвели въ какого нибудь Св. угодника.

Истративъ однажды весь запасъ дроби, я
вдругъ увидѣлъ передъ собой огромную лань;
она такъ отважно смотрѣла на меня, какъ
будто кто подсказалъ ей, что въ карманахъ
моихъ не было ни одного заряда. Я, однакожъ,
не потерялся; зарядивъ ружье вишневыми
косточками, я пустилъ ихъ прямо въ черепъ
дерзскаго звѣря. Прицѣлъ совершенно удался,
олень оторопѣлъ, и затѣмъ скорѣ скрылся.
Черезъ годъ или два, проходя тѣмъ же лѣсомъ,
я увидѣлъ этого оленя, съ высокимъ вишне-
вымъ деревомъ, которое росло между его рога-
ми. Вы видите, что мои косточки не пропали.
Поваливъ однимъ ударомъ своего стараго
пріятеля, я нарвалъ вишней и превосходно

позавтракалъ. Теперь сообразите, что же мѣшаетъ какому нибудь праведнику, аббату или епископу сажать кресты на оленьихъ головахъ, во имя Св. Губера, и потомъ дарить ихъ знаменитымъ охотникамъ, какъ талисманъ спасенія.

Вскорѣ за тѣмъ случилась со мной и другая, не менѣе занимательная, исторія. Заблудившись въ лѣсу, около какой-то Польской деревни, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ необыкновенно большимъ медвѣдемъ; судя по его отвислымъ бокамъ и скорому шагу, я могъ заключить, что онъ былъ очень голоденъ, а голодные медвѣди вовсе не словоохотливы и дружелюбны. Пошаривъ въ карманахъ пороку и пуль, я ничего не нашелъ, кромѣ сору. Думать было нечего. Притаившись за деревомъ, я выждалъ, когда косолапый мишка поровняется съ нимъ. Едва онъ подошелъ и, къ счастью моему, бокомъ, какъ я вспрыгнувъ ему на спину, залаялъ такъ громко по сабачьи, что медвѣдь (вѣроятно онъ уже испыталъ зубы гончихъ собакъ), испуганный крикомъ, пустился бѣжать скорѣй любого зайца. Ободренный его трусостью, я соскочилъ на землю,

продолжая лаять до тѣхъ поръ, пока онъ не исчезъ изъ виду.

Но вотъ случай, самый потѣшный, изъ всѣхъ случаевъ моей жизни. Пробираясь ночью по одному изъ самыхъ глухихъ Петербургскихъ переулковъ, я попалъ на бѣшенную собаку. Она бросилась на меня съ остервененіемъ, но я, чтобъ отвлечь ея вниманіе, снялъ мѣховую шубу и накинулъ ей на голову. Между тѣмъ, какъ она грызла и рвала мой мѣхъ, я успѣлъ спрятаться подъ воротами. Прошло нѣсколько минутъ, собака скрылась, я поднялъ свою шубу и благополучно воротился домой. Но дѣло тѣмъ не кончилось. Поутру, слуга мой вбѣгаетъ въ комнату и, задыхаясь отъ страху, говорить : “Господинъ, въ гардеробѣ происходятъ ужасы—ваша энтовая шуба взбѣсилась.” Я пошелъ посмотреть ; въ самомъ дѣлѣ, все мое платье прыгало, тряслось и разрывалось въ клочья. Этого мало ; и вѣрный слуга мой вслѣдъ за тѣмъ съ ума ряхнулся ; вскочивъ на вѣрхъ платья, онъ началъ немилосердно бить и топтать его. Не желая дѣлать общей опасности города, я поспѣшилъ уѣхать, и потомъ слышалъ, что

отъ моей бѣшенной шубы заразилась съумасшествіемъ вся чиновная часть Петербурга. Но теперь, говорятъ, легче.

ГЛАВА V.

Доселъ меня не оставляли ни счастье, ни удача; и я умѣлъ воспользоваться ими, какъ не

льзя лучше, благодаря своей отвагѣ и энергіи. Все это вмѣстѣ образуетъ знаменитыхъ моряковъ, воиновъ и охотниковъ. Но странно было бы думать, чтобъ адмиралъ, полководецъ или солдатъ всегда надѣялись на судьбу или счастливую звѣзду, не употребляя собственныхъ средствъ для успѣха въ предпріятіяхъ. Удача—вещь хорошая только тогда, когда мы сами дѣйствуемъ благоразумно. “Подъ лежацій камень, говоритъ пословица, и вода не течетъ.

Я не могу упрекнуть себя въ оплошности или небрежности ; иначе, меня давно ужъ не было бы на свѣтѣ. Едва ли кто больше подвергался опасностямъ, и едва ли кто лучше спасался отъ нихъ. Но не въ томъ моя гордость. Я особенно славился конями, ружьями, мечами и умѣньемъ обращаться съ ними. Но и не въ этомъ было мое главное превосходство ; все мое богатство, честь и слава заключалась въ старой гончей собакѣ, которую я любилъ, какъ роднаго сына. Она состарѣлась на службѣ у меня, и была замѣчательна не столько цвѣтомъ или ростомъ, сколько быстротой. Почти никогда я не разлучался съ ней, и часто мы засыпали, въ полѣ или лѣсу,

подъ однимъ покровомъ, и однимъ богатырскимъ сномъ. Подъ старость я берегъ ее, и лелѣялъ, какъ стараго друга.

Но вотъ что случилось съ этой удивительной собакой. Однажды я взялъ ее на охоту, увѣренный, что она, не смотря на свою беременность, не упуститъ звѣря. Завидѣвъ дикую козу, необычайно толстую, я гикнулъ своею Палладѣ, и она стрѣлой помчалась за ланью. Но не прошло и трѣхъ минутъ, какъ я услышалъ легкій, младенческій крикъ цѣлой своры щенковъ. Подѣхавъ къ нимъ, я, дѣйствительно, увидѣлъ цѣлую дюжину маленькихъ животныхъ. Я тотчасъ понялъ, что это дѣти моей Паллады и гонимой ею лани: онѣ обѣ оценились во время погони, ни на минуту не остановившись на скаку. Вмѣстѣ съ ними бѣжал и ищеньки, раздѣлившись, по истинкту, на двѣ группы; одни утекали, а другіе преслѣдовали. Наконецъ охота кончилась, и я овладѣлъ въ одинъ разъ шестью ланями и, вмѣсто одной старой Паллады, имѣлъ полдюжены новыхъ.

Но охота, я думаю, очень наскучила вамъ; поправдѣ сказать, она надоѣла и мнѣ. Для разнообразія разсказа, я поведу васъ, читатель,

на войну, которую страстно любят короли, дураки и дѣти (простите за сближеніе — въ немъ много правды.)

Съ давнихъ поръ мнѣ хотѣлось повоевать, потому что въ моихъ жилахъ текла кровь старыхъ Ливонскихъ рыцарей. Долго я думалъ, подѣ чьимъ бы знаменемъ мнѣ подраться ; наконецъ убѣдился, что всего лучше воевать съ Турками : во-первыхъ потому, что ихъ легче бить, чѣмъ кого-нибудь ; во-вторыхъ потому, что я могъ идти подѣ самымъ надежнымъ орломъ Русскаго царя, который, какъ извѣстно не посылаетъ менѣе двухъ сотъ тысячъ войска, хоть бы дѣло шло о завоеваніе трехъ колмыцкихъ кибитокъ. И вотъ я, въ качествѣ кавалерійскаго капитана, отправился на берега Дуная.

Долго мы шли то степями, то гадкими дорогами, и наконецъ расположились на берегахъ Прута, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда Петръ I чуть-чуть не потерялъ головы вмѣстѣ съ арміей. Подвиги наши были чудомъ храбрости ; въ нѣсколько дней мы одержали нѣсколько побѣдъ, прогнали врага и вдоволь захватили плѣнныхъ.

Скромность не позволяетъ мнѣ говорить о

моемъ личномъ мужествѣ, потому что побѣды кому бы онѣ ни принадлежали, всегда приписываются главнокомандующему, или лучше, царямъ и царицамъ, которые даже не нюхали пороху нигдѣ, кромѣ парадовъ и разводовъ, не видѣли ни поля сраженія, ни врага. Лъстцы иногда называютъ ихъ великими побѣдителями, хотъ имъ цѣлую жизнь не довелось подраться даже съ вѣтряными мельницами. Но не въ этомъ дѣло.

Не лъзя, однакожъ, умолчать объ одномъ доблестномъ подвигѣ, потому что исторія непременно раструбить его. Это было подѣ Очаковымъ. Къ вечеру завязался жаркій огонь между моими Гусарами и Янычарами. Воспламенившись, я бросился на своемъ арабскомъ жеребцѣ впередъ, молніей ударилъ на непріятеля и, прочистивъ саблей широкую дорогу, врѣзался въ самый центръ чалмоносныхъ головъ. Всякій ударъ острой стали — на-право и на-лѣво сѣялъ смерть и разрушеніе. Турки бросились бѣжать, какъ они никогда не бѣжали со времени Магомета. Поле услао было трупами, оружіемъ, стонавшими ранеными, издыхавшими лошадьми, оторванными

членами, полито кровью и оглашено предсмертной молитвой или проклятіями. Но состраданіямъ или слезамъ, въ эти минуты, нѣтъ мѣста; одна жажда крови, жестокость и месть одушевляютъ воина. Увидѣвъ бѣгство непріятельнаго отряда, я пустился преслѣдовать его и, забывшись, влетѣлъ черезъ растворенныя ворота, въ самый городъ. Оглянувшись кругомъ, я не видѣлъ около себя ни одного изъ своихъ гусаровъ. Они, вѣрно, были повоздержнѣй меня, и остались за дверями. Не раздумывая дольше, я повелъ поить своего усталого коня изъ колодезя, вырытаго на площади. Удивляясь, что онъ пилъ слишкомъ долго, я обернулся назадъ и, къ крайнему изумленію, увидѣлъ, что вода лилась изъ него, какъ изъ жолоба. Заднія части моего арабскаго рысака были отбиты; потомъ я разсудилъ, что онѣ были оторваны тяжелыми воротами Очакова, которые наскоро затворились въ ту самую минуту, когда я вѣзжалъ въ крѣпость. Потерять такого дорогаго коня было жалко; я обратился къ кузнецу; спасибо ему, онъ помогъ горю. Связавъ накрѣпко разбитые члены, онъ скотилъ ихъ гвоздями, обложилъ

скобками, залечилъ рану, положивъ на нее лавровые листы. Изъ этихъ листовъ въ послѣдствіи разросся самый свѣжій лавровый вѣнокъ, которымъ украсилась моя побѣда.

ГЛАВА VI.

Но не всегда же счастію баловать меня. Окруженный, въ одномъ бою, со всѣхъ сторонъ, многочисленнымъ непріателемъ, я былъ

взять въ плѣнъ и, что всего хуже, проданъ Турками, какъ невольникъ. Примирившись съ грустнымъ положеніемъ, я началъ привыкать къ нему; мнѣ дали не трудную, но очень скучную работу—выносить каждое утро султанскихъ пчелъ на цвѣтистое поле, весь день стеречь ихъ, а къ ночи снова размѣщать по ульямъ. Въ одинъ вечеръ, я потерялъ пчелу и тотчасъ же замѣтилъ, что два медвѣдя напали на нее, чтобъ поживиться медомъ. Со мной не было никакого оружія, кромѣ серебрянаго топорика, который дается, какъ отличіе, султанскимъ садовникамъ. Я бросилъ его въ разбойниковъ, чтобъ испугать ихъ и освободить бѣдное насѣкомое. Но, по какому-то странному закону, топоръ мой полетѣлъ вверхъ и, зацѣпивъ на полетѣ за рогъ луны, повисъ на немъ, какъ на гвоздѣ. Что было дѣлать? Какъ достать его? Къ счастью, я вспомнилъ, что Турецкіе бобы растутъ удивительно скоро и достигаютъ необыкновенной высоты. Я посадилъ одинъ немедленно; онъ выросъ съ изумительной быстротой, и верхнимъ концемъ обвился около нижняго ключка луны. Теперь я съ помощію этого растенія могъ взобраться на мѣсяцъ, куда и поднялся; но вы не можете

представить, какъ было трудно найти серебряный топорикъ тамъ, гдѣ все блеститъ серебромъ и свѣтомъ. Впрочемъ, послѣ долгихъ поисковъ, я отыскалъ его въ кучѣ мякины и соломы. Потомъ надо было возвратиться; но увы! солнечный жаръ засушилъ и сожегъ мой бобъ, такъ что не было никакой возможности спуститься на немъ. Подумавъ, я сталъ вить себѣ веревку изъ соломы; приготовивъ ее, я завязалъ одинъ конецъ за луну, а другой бросилъ внизъ. Взявъ топоръ въ правую руку, лѣвой ухватился за канатъ, и началъ спускаться. Но такъ какъ онъ далеко не доходилъ до земли, то я принужденъ былъ, пролетѣвъ извѣстное разстояніе, рубить верхній ненужный конецъ и привязывать его къ нижнему. При всемъ моемъ искусствѣ, веревка не донесла меня до султанской фермы; истертая и размочаленная, она оборвалась за пять миль надъ поверхностью земли. Я упалъ такъ плотно, что подо мной образовалась яма въ девять сажень глубины: поэтому можно судить, съ какой силой и тяжестью я громыхнулся на землю. Опамятовавшись, я не зналъ, какъ подняться изъ этой пропасти. Надумавшись, я принялся рыть ступеньки собственными

ногтями (Баронъ, подражая свѣтскимъ лвамъ своего времени, не стригъ ногтей ровно сорокъ лѣтъ), и очень удобно выбрался на свѣтъ божій.

Истинныя заслуги и за Султаномъ не пропадаютъ. Полюбивъ мою вѣрную службу, онъ пожаловалъ меня свободой, потомъ приблизилъ къ себѣ въ качествѣ чубукчара (подавателя трубокъ), за тѣмъ возвелъ въ достоинство конюшаго и наконецъ Албанскаго паши. Но увидѣвъ, что я не умѣю ни рубить вѣрноподанныхъ головъ, ни сдирать податей съ бѣдныхъ жителей, ни наказывать плетьюми невинныхъ, онъ отнялъ у меня эту почтенную должность, и назначилъ посланникомъ къ Русскому двору. Если не ошибаюсь, это было въ славное царствованіе Екатерины II, которая развела у себя цѣлую конюшню любовниковъ, и за то названа великой.

Выслушавъ новое назначеніе, я немедленно отправился въ Россію и, въ первый разъ, проѣзжая Москвой, рѣшился погостить въ столицѣ-старушкѣ.

ГЛАВА VII.

Думаю, что не всѣ изъ моихъ читателей видѣли Москву или находились въ ней въ такомъ сановитомъ достоинствѣ, какъ я — Баронъ и посланникъ отъ Турецкой Имперіи; поэтому не считаю лишнимъ рассказать о своемъ пребываніи въ короткихъ словахъ.

Начну съ перваго впечатлѣнія. Приѣхавъ въ Москву, я тотчасъ же отправился, какъ обыкновенно дѣлаютъ любопытные путешественники, осмотрѣть городъ. Что вамъ сказать о немъ? Съ наружной стороны, если взять все вмѣстѣ и его колокольни, и каланчи, и бельведеры, и сады и грязные переулки, и тощіе домики и громадныя дворцы, и широкія площади и непреходимыя захолустья, если взять все это вмѣстѣ, Москва будетъ походить на огромное лукушко, въ которое царскій капризь сбрасывалъ нѣсколько вѣковъ все,

что ему приснилось во снѣ или привидѣлось на-яву. Москва носить три главныхъ облика — Визинтійскій, Татарскій и Европейскій, но Русскаго въ ней, кромѣ пироговъ и квасу, ничего не нашелъ. Москва живетъ, какъ улитка, крайне-сосредоточенной жизнію ; она вся уходитъ въ свои воспоминанія, да и какъ не лежать сердцу къ этимъ воспоминаніямъ? Здѣсь короновали Ивановъ Грозныхъ, тамъ били боярь по пяткамъ Татарской плетью, здѣсь казнили стрѣльцовъ, какъ быковъ на бойнѣ, тамъ кропили св. водой цареубійцъ и развратныхъ женщинъ ; здѣсь слѣды глубокаго раблѣпія, тамъ остатки грубаго чванства ; вездѣ колокольня и питейный домъ, вездѣ униженный слуга и надъ нимъ заносчивый баринъ.

Общество въ Москвѣ самое обворожительное. По пріѣздѣ сюда, я долженъ былъ сдѣлать двѣ неперемѣнныя вѣжливости — во-первыхъ поцѣловать неумытую руку у Митрополита и во-вторыхъ явиться съ визитомъ къ губернатору. Обязанность перваго состоитъ въ томъ, чтобъ просить Бога за благоденствіе древней столицы, а обязанность другого разорять ее взятками. И духовный Богъ ни какъ не можетъ сладить съ свѣтскимъ — воровство здѣсь

съ незапамятныхъ временъ продолжается. Кто хочетъ полюбить Москву и ужиться въ ней, тотъ долженъ каждый день дѣлать двадцать пять ненужныхъ визитовъ, три часа просидѣть за обѣденнымъ столомъ и столько же заужиномъ.

На другой день, я рѣшился взойти на Ивана Великаго, чтобъ оглянуть однимъ взглядомъ весь громадный городъ. Безъ преувеличiя, видъ восхитительный! Желая продолжить свое удовольствiе, я приказалъ подать себѣ бумажный змѣй (аеростаты еще не были извѣстны въ Москвѣ) и, привязавъ себя къ его мочальному хвосту, отправился, по направленiю вѣтра, осматривать окрестности. Воздушное мое путешествiе было бы совершенно счастливо, если бъ только я не прельстился однимъ золотымъ крестомъ, на высокой церкви. Пролетая мимо его, я хотѣлъ отчасти отдохнуть, а отчасти и насладиться очаровательнымъ видомъ—и потому, оставивъ свой змѣй, усѣлся на этомъ крестѣ, очень удобно. Вслѣдствiе ли усталости или влiянiя горнаго воздуха, я крѣпко уснулъ здѣсь, и только на другой день звонъ колоколовъ разбудилъ меня отъ прiятнаго сна. Захотѣвъ ѣсть, я рѣшился сойти на землю; со мной, впрочемъ, не было ни веревки, ни лѣстницы,

и потому, подломивъ снизу крестъ, я преспо-
койно упалъ съ нимъ на мостовую. Вотъ,
подумалъ я, и новое чудо во имя креста.

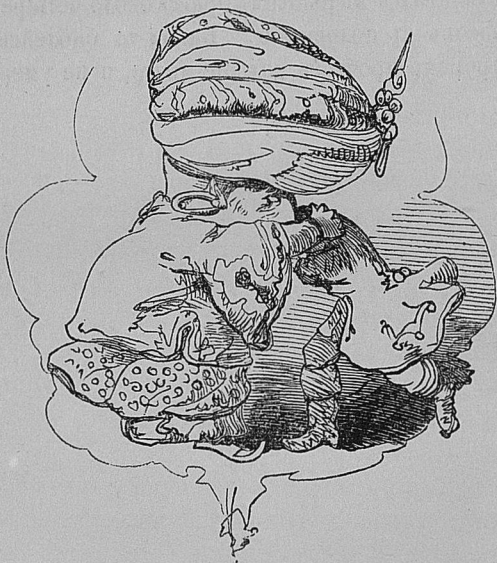
ГЛАВА VIII.

Однажды я рисковалъ погибнуть самымъ страннымъ образомъ въ средиземномъ морѣ. Купаясь въ превосходномъ Марсельскомъ заливѣ, въ лѣтній полдень, я отплылъ довольно далеко отъ берега; вдругъ передъ мной остановилась огромная рыба, съ широкими зебрами; ясно было, что она хотѣла проглотить меня. Надо было спастись; не теряя ни одной секунды, я съежился въ самый маленькій размѣръ, какъ спелененный ребенокъ, и юркнулъ, между ея зебрами, прямо въ желудокъ: здѣсь я пробылъ нѣсколько времени, среди совершенной темноты и довольно большаго жару, какъ вы можете представить. Но наскучивъ, я началъ беспокоить рыбу, чтобъ она выбросила меня изъ своего брюха. Съ этой цѣлью я началъ кувыркаться, топать, кричать, но кажется ничто ее такъ не сердило, какъ моя пляска въ присядку. Едва я начиналъ свой

бѣшеный танецъ, какъ она изъ всѣхъ силъ старалась выплюнуть меня ; но я противился. Наконецъ рыба ужасно замычала, и отъ злости поднялась въ водѣ почти перпендикулярно. Одинъ Италіянскій рыбакъ, удившій въ это время на берегу, замѣтивъ ее, немедленно зацѣпилъ крючкомъ и вытащилъ на землю. Сбѣжался народъ, и началъ разсуждать, какъ распотрошить пойманную белугу, чтобъ сохранить какъ можно больше ея жиру. Я понималъ Италіянскій языкъ, и чрезвычайно испугался, чтобъ они не разсѣкли и меня пополамъ своимъ оружіемъ. Поэтому я сталъ на самой срединѣ брѣха, до-того огромнаго, что еще дюжина людей могла помѣститься въ немъ,—думая, что операція рыбаковъ начнется съ окончностей белуги. Но горько обманулся ; они запустили ножъ въ самый центръ, недалеко отъ моего носа ; увидѣвъ сіяніе свѣта, я закричалъ истошнымъ голосомъ, призывая на помощь. Трудно выразить, какъ изумились рыбаки, услышавъ человѣческій крикъ, выходившій изъ-нутри рыбы, и увидѣвъ человѣка, прямо ходившаго по ея брѣху. Потомъ я разсказалъ имъ свою печальную исторію, и они смѣялись отъ всего сердца.

Освѣжившись и выкупавшись снова въ морѣ, я поплылъ за платьемъ, которое осталось на другомъ берегу. Говоря приблизительно, я оставался въ рыбьемъ брюхѣ около четырехъ часовъ съ половиной. Какой-то библейскій пророкъ пробылъ дольше моего, и не умеръ.

ГЛАВА IX.

Когда я служилъ Турецкому Султану, мнѣ часто случалось прогуливаться у береговъ Геллеспонта, съ котораго открывается велико-

лѣпный видъ на море и Константинополь, съ его роскошнымъ сералемъ. Однимъ утромъ, наслаждаясь восходомъ чудной зари, свѣжей, какъ щека красавицы и чистой, какъ горная лилія, я замѣтилъ въ воздухѣ шарообразное тѣло, величиной вершковъ двѣнадцать. Взявъ охотничье ружье, безъ котораго я никогда не прогуливался. и зарядивъ его пулей, выстрѣлилъ въ шаръ, но пуля не достала его, потому что онъ носился подъ облаками. Тогда я положилъ двойную порцію пороху и пять или шесть пуль, и этотъ выстрѣлъ былъ совершенно удаченъ. Глобусъ, разорванный съ боку, полетѣлъ внизъ. Вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ у своихъ ногъ золотую тележку, а въ ней человѣка и кусокъ зажареннаго барана !

Разсмотрѣвъ ихъ и давъ отдохнуть отъ сильнаго ушиба воздушному путешественнику, я поднялъ и обласкалъ его. Это былъ очень любезный Французъ, помѣшанный на какой-то ученой теоріи ; онъ рассказалъ мнѣ слѣдующую исторію. “Семъ или восемь дней, говорилъ онъ, пробывъ въ той сторонѣ, гдѣ солнце никогда не заходитъ, я рѣшился посѣтить Исландскій островъ, понюхать дымъ

его знаменитаго волкана и потомъ проѣхать въ Англію. Осмотрѣвъ здѣсь туманы и отвратительную сырость Лондона, я вздумалъ устроить себѣ шаръ съ золотымъ возкомъ и подняться въ облака, чтобъ произвести нѣкоторые атмосферическіе опыты. Къ несчастію, направленіе вѣтра измѣнилось, едва я оставилъ землю, — какъ по волѣ бури былъ занесенъ вмѣсто береговъ Тэмзы къ берегамъ Геллеспонтскаго пролива.

Пролетѣвъ около пяти тысячъ миль, я такъ проголодался, что ученныя наблюденія вовсе на умъ не шли: я гораздо больше думалъ о хорошемъ супѣ чѣмъ, о вліяніи атмосферы на дыханіе. На третій день я рѣшился заколоть своего ягненка и, поднявшись далеко выше луны, почти подъ самое солнце, воспользовался его необыкновенной теплотой. Содравъ шкуру съ барашка, я вывѣсилъ его за шаръ, съ той стороны, откуда свѣтило солнце. Не прошло и двухъ часовъ, какъ мое жаркое было готово; этой пищей я пробывался до настоящей минуты.” Французъ окончилъ рассказъ и, кажется, былъ очень удивленъ видомъ окружающихъ его предметовъ. Когда я сказалъ ему, что передъ нами стоитъ роскошный сераль

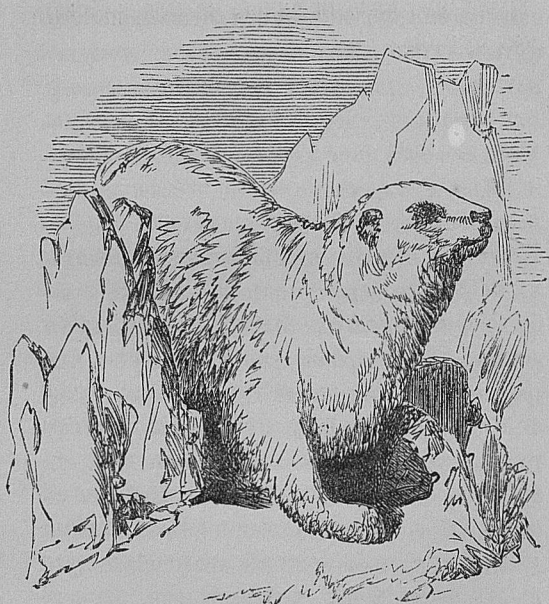
Турецкаго султана, онъ очень умилился и засверкалъ мутными глазками. “Причина моего долгаго воздушнаго плаванія была та, что я нечаянно изломалъ пружинку, которой можно поворачивать шаръ на-право и на-лѣво, внизъ и вверхъ. Это секретъ моего изобрѣтенія, еще неизвѣстный міру. И если бъ вы не выстрѣлили въ меня,—чему я обязанъ своимъ спасеніемъ, — вѣрно мнѣ, какъ Магомету, пришлось бы висѣть между небомъ и землей до втораго пришествія.”

Вскорѣ затѣмъ великій визирь послалъ меня въ Капръ, съ такимъ грязнымъ порученіемъ, что я думаю лучше умолчать о немъ.

Пріѣхавъ сюда съ огромной свитой, я исполнилъ приказаніе и, отпустивъ своихъ спутниковъ, сталъ жить простымъ человѣкомъ. Погода была восхитительная, и рѣка Ниль струилась въ полной прелести своихъ водъ. Пользуясь случаемъ, я нанялъ лодку и рѣшился спуститься въ ней до Александріи. На четвертый день моего плаванія, знаменитая рѣка начала прибывать, и такъ быстро, что на другое утро всѣ окрестные города и села были затоплены водой. Къ вечеру, моя лодка загрузла, сначала я думалъ, среди кустарни-

ковъ, а на зарѣ увидѣлъ, что это были миндальные деревья, совершенно зрѣлые и покрытые роскошнѣйшими плодами. Около семи или восьми часовъ поднялся порывистый вѣтръ, и перевернулъ вверхъ дномъ нашу лодку. Къ счастью, я и моя прислуга спаслись, взобравшись на миндальныя вѣтви, гдѣ мы прожили не менѣе шести недѣль, питаясь сладкими плодами. Конечно, они надоѣли намъ, но въ нуждѣ не знаютъ вкуса. Наконецъ потокъ Нила убылъ, и мы подобно Колумбу, съ восторгомъ ступили на твердую землю. Поднявъ лодку, которая лежала на днѣ, не далеко отъ насъ, мы поправили ее, высушили свое платье и потомъ увидѣли, что мы плыли надъ стѣной превосходнаго сада, обставленнаго лимонами и миндалями. Въ Александріи я пересѣлъ на корабль и поспѣшилъ явиться къ Султану. Довольный моею расторопностью и рассказомъ о приключеніяхъ на водахъ Нила, онъ чихнулъ, въ знакъ особеннаго удовольствія, такъ крѣпко, что восемь фарфоровыхъ вазъ, кутившихся оиміа-момъ, повалились съ пьедесталовъ; я не упалъ только потому, что прислонился къ мраморной колоннѣ. Въ награду за трудъ, онъ прика-

заль отворить мнѣ двери заповѣднаго сераля,
и показать пядесять прекраснѣйшихъ акадїй.
Выше этой милости ничего не лзя требовать
отъ Султана.

ГЛАВА X.

Наконецъ мнѣ такъ наскучила лѣнивая и полусонная жизнь Турокъ, которымъ, къ сожаленію, досталась, едва ли не самая лучшая

часть земнаго шара, что я рѣшился пересѣлиться на сѣверъ. Слышавъ много интересныхъ разсказовъ о Сибири, я хотѣлъ повѣрить, правду ли говорятъ объ этой дикой, пустынной странѣ, заселенной разными племенами, изъ которыхъ самое умное и едва ли не самое честное—особенное племя ссыльныхъ, пригоняемыхъ Русскимъ царемъ въ наказаніе. Повѣсивъ ружье за плеча и взявъ свою вѣрную Палладу, я отправился пѣшкомъ къ ледовитому морю; но переступивъ за Алтайскій хребтъ, я не могъ идти дальше, потому что на всякомъ шагу встрѣчались сугробы снѣга или топкія болота. Не помню, въ какой-то татарской деревнѣ, я купилъ себѣ сани и четверку тощихъ собакъ, чтобъ продолжать путь въ этомъ спокойнѣйшемъ экипажѣ. Набравъ съ собою хлѣба, мяса и мѣховъ, я поѣхалъ прямо къ полюсу, чтобъ поискать арктическій путь въ сѣверномъ морѣ. (Слѣдовательно, Баронъ прежде Франклина задумалъ это великое предпріятіе.) Эта мысль, достойная головы другого Колумба, сильно занимала мое воображеніе; я мечталъ, какъ со временемъ по этому пути будутъ бѣжать тысячи кораблей, нагруженныхъ Американскими и Европейскими то-

варами, какъ процвѣтеть теперь варварскій край Лапландіи, и цивилизація пройдетъ отъ юга до сѣвера. Увлеченный этой яркой мечтой, я совершенно забылъ о предметахъ болѣе простыхъ и близкихъ, и только на третій день вспомнилъ, что собаки мои, запряженные въ сани, не сдѣлали ни одного роздыха и ничего не ѣли. Но теперь уже было поздно; вѣроятно, разгнѣванные моимъ невниманіемъ и одушевленные чувствомъ мести, они такъ рьяно понесли меня по снѣжнымъ холмамъ и топямъ, что я вылетѣлъ изъ саней и упалъ въ какую-то яму. Проспавъ здѣсь около сутокъ, я проснулся на зарѣ и увидѣлъ кругомъ себя самую печальную картину. Представьте себѣ дикую степь, засланную сплошными льдами, безъ человѣческаго жилья, безъ лѣса и травъ, гдѣ не слышно было ни птичьяго голоса, ни чириканья насѣкомыхъ. Все спало какимъ-то страннымъ, могильнымъ сномъ.

Положеніе мое—если вы помните исторію бѣднаго Крузое—было ни чѣмъ не лучше его. На его безлюдномъ островѣ, по крайней мѣрѣ, было тепло, а вокругъ меня царствовалъ такой холодъ, что я долженъ былъ ежеминутно потирать носъ, чтобъ не лишиться его кончика.

и рочемъ я нисколько не струсилъ. Осмотрѣвшись, увидѣлъ, что эта бѣлая степь—ледовитый океанъ, который, какъ извѣстно, упирается своими льдами прямо въ небо. Надо было прежде всего позаботиться о шалашѣ или хижинѣ, чтобъ было гдѣ обогрѣться. Натаскавъ дюжины двѣ огромныхъ льдинъ, я сложилъ ихъ вмѣстѣ, какъ складываютъ бревна, вывелъ крышу, поставилъ каминъ и щели замазалъ снѣгомъ. Если бѣя прожилъ здѣсь дольше, вѣроятно, я устроилъ бы изъ этой ледяной лачуги великолѣпную кристальную палату, разукрасивъ ее колоннами, обставивъ картинами, статуями и люстрами. Но теперь было не до того; каминъ у меня былъ, а огня достать не было никакой возможности. Натесавъ, однако, ледяныхъ поленьевъ, я разложилъ ихъ въ каминѣ, и началъ думать, какъ бы добыть искру. Пока я размышлялъ, вдругъ надо мной заблестѣлъ такой удивительной свѣтъ, какого я не видѣлъ ни въ одномъ царскомъ дворцѣ. Вы, конечно, догадаетесь, что это было сѣверное сіяніе, которое я имѣлъ честь видѣть въ трехъ шагахъ отъ своего холодного шалаша. Взявъ кусочикъ труту, какъ-то уцѣлевшаго въ карманѣ, я

пошелъ къ огненному столбу, зажегъ труть и развелъ у себя блистательный огонь. Первую ночь я проспалъ голодный. На другой день, проснувшись очень весело, пошелъ на поискъ пищи. Бродя случайно, безъ цѣли, и безъ знанія мѣстности, я вдругъ наткнулся на страшнаго бѣлаго медвѣдя. Ну что было дѣлать съ этимъ кровопійцемъ? Въ рукахъ у меня не только не было ружья, но даже палки.

Подумавъ крѣпко, я нашелся. Когда медвѣдь заревѣлъ во всю глотку, приподнявшись на заднія лапы, я также заревѣлъ медвѣжьимъ голосомъ, ставъ на четвереньки. Вѣроятно, мой Мишка—по тупости или по невѣжеству—принялъ меня за животное своей породы. Поворотившись назадъ, я поползъ къ своему шалашу, не переставая ревѣть на весь океанъ, — и медвѣдь, какъ будто за медвѣдицей, потащился за мной скорой поступью. Когда я привелъ его въ свою берлогу, онъ немедленно растянулся у камина и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Между тѣмъ, я заострилъ лезвие, подкрался къ Мишкѣ и такъ больно треснулъ его по лбу, что онъ ужъ больше не просыпался. Надѣливъ изъ его мяса вѣтчины, а шкуру обративъ въ шубу, я съ этимъ запасомъ прожилъ на ледовитомъ морѣ около трехъ недѣль.

Можетъ быть, я навсегда остался бы здѣсь, если бѣ только встрѣтилъ хоть одного живого человѣка; безъ общества я рѣшительно не могу жить, хоть бы поселился на самой лунѣ. Прежде чѣмъ я собрался въ обратный путь, мнѣ хотѣлось оставить памятникъ въ честь моего посѣщенія безлюдному краю; поставивъ ледяную колонну, у самыхъ дверей шалаша, я вырѣзалъ на ней слѣдующую надпись: “здѣсь былъ Баронъ Мюнхаузенъ, отважный охотникъ и знаменитый путешественникъ; память его, вмѣстѣ съ этимъ столбомъ, перейдетъ въ потомство.”

Простившись съ ледовитымъ моремъ и его единственнымъ обитателями—бѣлыми медвѣдями, я пришелъ черезъ пять дней въ Камчатку.

ГЛАВА ХІ.

Вы хотите (я вижу это по вашей физиономіи) познакомиться съ моей интересной родословной ; предупреждаю васъ, благороднѣй ея нѣтъ ничего въ мірѣ. Мать моя была бабушкой царя Давида, а объ отцѣ я мало знаю. Однажды мои родители заспорили объ очень важномъ вопросѣ : гдѣ былъ построенъ ковчегъ Ноя и куда онъ дѣвался послѣ потопа ? Споръ окончился ссорой, а затѣмъ полнымъ разводомъ. Мать моя—старушка семидесяти лѣтъ — повѣсивъ меня, трехлѣтняго ребенка —за спину, оставила мужа ночью, и поплелась въ Африку

Говорять, что за ней была послана погоня, но она укрылась въ горахъ Абисиніи, и благополучно прибыла къ мысу Доброй Надежды. Поселившись среди дикаго племени, но превосходной природы, она успѣла поправиться молодому князю,—вождю нѣсколькихъ сотенъ Кафровъ. Его величество предложилъ руку моей матери, и она охотно вышла за него замужъ. Свадьба была истинно-великолѣпная, и я доселѣ сохранилъ ее въ самой свѣжей памяти. Какъ теперь вижу, на песчаной степи была поставлена разноцвѣтная шелковая палатка, окруженная четырьмя верблюдами и сотней бравыхъ мюридовъ; внутри палатки были разсланы ковры и тигровыя шкуры; по стѣнамъ висѣли копья, луки, стрѣлы, ножи и бамбуковыя дубинки; въ одномъ углу лежали человѣческіе черепа — знакъ воинственнаго характера князя, а по-среди нѣ стояли бурдюки съ кумысомъ и десять зажаренныхъ барановъ. Верховая скачка, пляска съ кастаньетами, кулачный бой, какая-то барабанная музыка и пѣсни, похожія на вой голландскихъ шакаловъ—украшили нашъ семейный праздникъ. Я сидѣлъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, какъ наслѣдникъ

престола,—на ворохѣ разныхъ шкуръ, подъ кожанымъ балдахиномъ и съ дурацкимъ колпакомъ на головѣ. Рабы, по первому знаку, подносили мнѣ щербеть, кумысъ и огромные ломти говядины, такъ что я наѣлся и напился до безпамятства.

Когда я выросъ и отецъ мой умеръ, мнѣ слѣдовало принять его корону или лучше мѣховую баранью шапку (коронъ въ этомъ царствѣ не было) и управлять народомъ. Но здѣсь былъ законъ, по которому избираемый царь долженъ быть непремѣнно трехъ-аршиннаго роста; мнѣ не доставало четверти вершка до этой мѣры, и я потерялъ царство. На престолъ усѣлся самый дубинный господинъ, не умѣвшій сосчитать трехъ барановъ; но народъ, какъ вы знаете, особенно дикій, уважаетъ не столько умъ, сколько ростъ и физическую силу.

Между тѣмъ, къ берегамъ Африки присталъ корабль съ Ливонскими купцами. Познакомившись съ однимъ изъ нихъ, во время промѣна трехъ быковъ на двѣ новыхъ сабли, я изъявилъ желаніе отправиться съ ними въ Европу. Имъ нуженъ былъ толмачъ съ Африканскими дикарями, и они охотно взяли меня, въ качествѣ матроса. Потомъ оказалось, что

хозяинъ этого корабля былъ мой дядя, братъ покойной матери. Обласкавъ своего племянника, онъ высадилъ меня на берега Голландіи, пославъ, какъ драгоценную рѣдкость въ свое семейство. Здѣсь я началъ воспитаніе, и изъ всѣхъ наукъ особенно полюбилъ кулачный бой, въ чемъ и усовершенствовался до удивительной степени. Вышедъ однажды на площадь, съ тѣмъ, чтобъ подраться съ охотникомъ, я вызванъ былъ старымъ и дюжимъ бургомистромъ. Засучивъ рукава и ставъ въ боевую позицію, мы ожидали сигнала, чтобъ бросится другъ на друга. Кулакъ на моего противника ужъ былъ занесенъ, но въ ту самую минуту, какъ я долженъ былъ его треснуть по лицу, онъ ринулся въ мои объятія, и началъ цѣловать и плакать. Дѣло въ томъ, что онъ, увидѣвъ на лѣвой щекѣ маленькую бородавку, узналъ во мнѣ своего потеряннаго сына. Въ самомъ дѣлѣ, изъ распросовъ и рассказовъ было ясно видно, что я единственный сынъ его и наслѣдникъ.

Потомъ я узналъ, что отецъ мой, опечаленный и оскорбленный побѣгомъ жены, оставилъ Азію, великій санъ, друзей и двѣ тысячи верблюдовъ, и переѣхалъ въ Голландію торго-

вать лукомъ и перцомъ. Теперь вы видите, что въ моихъ жилахъ соединялась кровь трехъ народовъ, а въ фамильномъ гербѣ девизы —трехъ частей свѣта.

ГЛАВА XII.

Одна изъ моихъ шалостей.

Я позабылъ сказать вамъ въ своемъ мѣстѣ, что единственная вещь, которую я получилъ въ наслѣдство, была та славная праща, которой Давидъ убилъ Голіафа.

Она служила мнѣ во всѣхъ лучшихъ предпріятіяхъ. Пріѣхавъ въ Лондонъ, я сдѣлалъ такой большой шаръ, что принужденъ былъ скупить весь шолкъ на Англійскихъ фабрикахъ. Старыя и молодыя леди были очень недовольны моею шалостью, и три мѣсяца не являлись на балы, за неимѣніемъ моднаго туалета.

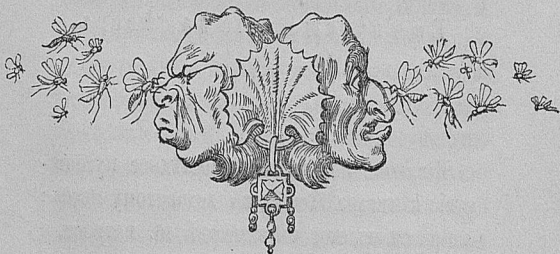
Между тѣмъ я обратилъ шаръ и пращу на очень забавное дѣло; съ помощію ихъ я перенесъ зданіе съ одного мѣста, а на мѣсто его поставилъ другое. Жители, вѣроятно, спали, и потому нисколько не догадывались о своемъ

нечаянномъ переселеніи. Все это было сдѣлано ночью. Поутру весь Лондонъ пришелъ въ изумленіе, увидѣвъ Виндзорскій замокъ на мѣстѣ Св. Павла, а соборъ на мѣстѣ Виндзорскаго замка.

По-случаю такого необыкновеннаго явленія собрался чрезвычайный парламентъ, повсюду открылись митинги ; чтобъ посмѣяться надъ старыми глухими лордами, я взобрался на крышу парламента, укрѣпилъ его къ шару и поднялся на такую высоту, что чуть-чуть было видно землю. Три мѣсяца я держалъ лордовъ на воздухѣ, и Англія жила безъ парламента, какъ черепаха безъ хвоста, и жила ни чѣмъ не хуже прежняго.

Въ другой разъ я выкинулъ съ ними иную штуку. Пригласивъ всѣхъ перовъ, герцоговъ, маркизовъ, однимъ словомъ, всѣхъ чиновниковъ Лондона, обѣдать на корабль, угостилъ ихъ старымъ виномъ Опорто ; это вино шесть сотъ лѣтъ стояло въ погребѣ одного Лиссабонскаго графа, и вы можете судить, какъ оно было крѣпко. Напившись его вдоволь, мои лорды совершенно ошалѣли ; бесѣдуя за столомъ, подшучивая другъ надъ другомъ, смѣясь и почекиваясь стаканами, они были,

видимо, очень довольны. Замѣтивъ, что хмѣль разобралъ ихъ сильно, я велѣлъ отчалить корабль и увезъ ихъ въ Южную Америку. На другой день, народъ узнавъ о переселеніи своихъ начальниковъ и представителей, въ которыхъ онъ, вѣрно, не очень нуждался, освѣтилъ городъ блистательной иллюминаціей и задалъ общественный обѣдъ—“въ честь освобожденія отъ почтенныхъ лордовъ.” Я вовсе не ожидалъ такой всеобщей радости, думая, въ простотѣ сердца, что всякіе лорды—люди полезные человѣчеству.

ГЛАВА XIII.

Еще путешествіе на сѣверъ.

Вы, конечно, помните послѣднее путешествіе капитана Финса по ледовитому морю ; я провожалъ его, въ качествѣ не матроса, а друга. Когда мы вышли на открытый океанъ, я взялъ свой чудесный телескопъ, чтобъ осмо-

трѣть окружающіе предметы. На громадной глыбѣ льда я увидѣлъ двухъ бѣлыхъ медвѣдей, съ остервененіемъ боровшихся. Взявъ за вѣт-
 ный карабинъ, я пошелъ прямо къ нимъ. Дорога была невыносимо-гадкая; то я посколь-
 зался, то утопалъ въ снѣгу, то перепригивалъ
 черезъ ямы, то шелъ по зеркалу, то по грязи. Наконецъ поравнявшись съ ними, я увидѣлъ,
 что медвѣди играли. Посмотрѣвъ на ихъ
 прекрасныя шкуры и оцѣнивъ ихъ, я сталъ
 думать, какъ бы овладѣть ими, не попортивъ
 пулей. Въ ту самую минуту, лѣвая нога
 поскользнулась, и я повалился на спину,
 ударъ пришелся въ затылокъ и я долго оста-
 вался безъ чувствъ. Очнувшись, я страшно
 изумился, увидѣвъ, что одно изъ этихъ жи-
 вотныхъ перевернуло меня внизъ лицомъ, и,
 растянувшись шагахъ въ десяти заснуло. Не
 теряя удобнаго случая, я прицѣлился ему въ
 лобъ и выстрѣлилъ. Но едва раздался ударъ,
 какъ на ледяномъ холму поднялся оглушитель-
 ный ревъ, и цѣлое стадо медвѣдей бросилось
 на меня. Вспомнивъ старое подобное при-
 ключеніе, бывшее со мной у береговъ Сибири,
 я наскоро стащилъ шкуру съ убитаго звѣря,

и завернулся въ нее съ головой и ногами. Окруживъ и обнюхавъ меня со всѣхъ сторонъ, они, очевидно, сочли меня за своего брата и оставили въ покоѣ. Чтобъ не портить дѣла, я сталъ подражать ихъ мимикѣ,—покачивать головой и подниматься на заднія лапы; все это удалось, какъ не лъзя лучше, и они начали обращаться со мной на дружеской ногѣ.

Теперь мнѣ захотѣлось одурачить ихъ довѣренность и поживиться на-счетъ ихъ простоты. Я слышалъ отъ одного армейскаго лекаря, что рана нанесенная въ позвоночную кость, мгновенно убиваетъ. Что же?—подумалъ я,—не мѣшаетъ попытать это средство. Оправивъ ножъ, я ударилъ имъ самого стараго и большаго, между плечами и затылкомъ; минута была роковая; если бъ онъ не издохъ въ то же мгновеніе, разумѣется, онъ растерзалъ бы меня на части. Къ счастью, все обошлось хорошо; медвѣдь упалъ, не успѣвъ даже испустить рева. Послѣ этого явилось желаніе уничтожить ихъ всѣхъ по-одиночкѣ, что я и сдѣлалъ безъ особеннаго затрудненія. Хотя они и видѣли, что товарищи ихъ валялись, какъ мухи отъ мышьяку, но никто изъ нихъ

не догадался, гдѣ причина смерти. Когда я покончилъ послѣдняго, почувствовалъ себя вторымъ Самсономъ, побившимъ свою тысячу.

Вернувшись на корабль, я взялъ три части экипажа, чтобъ помочь мнѣ содрать шкуры и перенести мясо за бортъ. Добыча была богатая; половина корабля была загружена мѣхами и вѣтчиной.

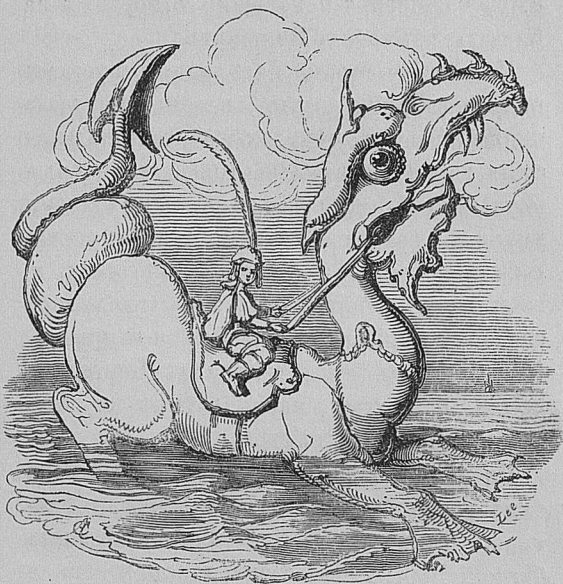
Когда мы воротились домой, я послалъ нѣсколько окороковъ вѣтчины, отъ имени капитана, лордамъ адмиралтейства, министру финансовъ и лорду меру въ Сити, а остальное роздалъ друзьямъ своимъ, и отъ всѣхъ получилъ самую искреннюю благодарность, а Сити даже почтило меня приглашеніемъ каждый годъ обѣдать въ Гильдголѣ, въ день лорда мера.

Съ мѣхами я распорядился еще лучше; я послалъ ихъ Русской императрицѣ, которая одѣлась сама и одѣла весь дворъ свой. Она написала мнѣ, собственной рукой, очень лестное письмо, приглашая чрезъ посланника раздѣлить честь ея постели и трона. Но я отклонилъ просьбу, потому что никогда не завидовалъ царскому достоинству. Получивъ отказъ, ея величество занемогло отъ любви и

вскорѣ скончалось. Князь Долгорукій потомъ рассказывалъ, что главной причиною ея смерти былъ параличъ сердца, горѣвшаго ко мнѣ самой пламенной любовью. Впрочемъ, оно уже давно перегорѣло, когда мнѣ представился случай быть преемникомъ престола.

Думали и говорили, что капитанъ Фипсъ не хотѣлъ идти дальше, чѣмъ могъ, въ своемъ путешествіи. Смѣю увѣрить васъ честнымъ словомъ, что это вина не его. Загрузивъ корабль медвѣжьими шкурами и вѣтчиной, я остановилъ ходъ его и было бы безразсудно пустить его среди льдовъ, которые громоздились высокими горами.

Капитанъ часто жаловался, что ему не удалось участвовать въ этомъ славномъ днѣ, который онъ называлъ медвѣжьимъ днемъ. Изъ-за этого мы поссорились съ нимъ. Желая подорвать мою репутацію, онъ даже пустилъ молву, что будто я надуваю медвѣдей, какъ будто я обязанъ дѣйствовать съ ними также честно, какъ съ лордами. Теперь онъ сдѣланъ перомъ, а я брожу по свѣту, ища славы и приключеній.

ГЛАВА XIV.

Прогулка по Каспійскому морю.

Узнавъ, что на берегахъ Каспійскаго моря
очень удобно поселиться для излеченія груд-

ныхъ болѣзней, я немедленно отправился на Кавказъ, изъ города Портсмута.

Пробираясь горами Дагестана, я спустился на великолѣпную долину; передо мной текла чистая и быстрая рѣка, свѣтлая, какъ стальная сабля, вправо поднимались горы, коронуемые вѣчными снѣгами; влѣво сплошными массами хмурились гранитныя скалы, а на нихъ колыхались вершины громадныхъ сосенъ и, каштановъ. Очарованный этой грандіозной сценой, я пріостановилъ коня и задумался. Какъ будто изъ земли выскочилъ Черкесь и, не давъ оглянуться, накиннулъ мнѣ на шею арканъ и поволокъ въ горы.

На дорогѣ я очнулся и понялъ, что меня ожидалъ жестокой плѣнъ, среди суроваго племени. Такъ и случилось. Восемь мѣсяцевъ бѣдный Баронъ пасъ овецъ, доилъ коровъ и забавлялъ нагихъ ребятишекъ. Наконецъ эта жизнь оскорбляла меня, и я рѣшился, во что бы то ни стало, избѣжать ее. Заспоривъ однажды съ своимъ господиномъ, что я не хуже его могу управлять дикой лошадыю, онъ приказалъ подать двухъ лучшихъ рысаковъ. На одного онъ сѣлъ самъ, а на другого я, и мы условились скакать до извѣстнаго мѣста. Условіе было страшное: если онъ перегонитъ меня,

въ первой праздникъ я долженъ былъ лишиться головы, ради потѣхи зрителей; если я перегоню его, онъ долженъ былъ отдать за меня свою младшую дочь—рѣдкую красавицу. Но не о томъ я думалъ. Когда мы пустились по дорогѣ, я далъ своему деспоту проскакать впередъ и видя, что онъ исчезъ изъ моего виду, поворотилъ въ сторону, углубился въ лѣсъ, и на другой день пріѣхалъ на берегъ Каспійскаго моря.

Здѣсь я поселился въ грязномъ и глухомъ городишкѣ, Баку. Посовѣтовавшись съ докторомъ, я началъ леченіе; онъ приказалъ мнѣ, какъ можно больше купаться въ соляной водѣ и грѣться на солнышкѣ. Въ первой же разъ, окунувшись въ Каспійскія воды, я былъ схваченъ огромнымъ тюленемъ, за ногу. Это неуклюжее, но здоровое животное, вѣроятно, хотѣло поиграть съ своей добычей; оно три дня водило меня на поверхности моря, причемъ я успѣлъ осмотрѣть всѣ подробности береговъ и историческіе памятники древняго Самарканда. Когда у меня будетъ досужное время, я непременно составлю особенныя записки, подъ названіемъ: “путешествіе и изученіе Каспійскаго моря знаменитымъ Барономъ, на тюленѣ.”

ГЛАВА XV.

Третье путешествіе въ Петербургъ.

Путешествуя во внутреннихъ частяхъ Африки, подъ самымъ Экваторомъ, фантазія моя такъ разгорячилась отъ полуденнаго солнца, что я

день и ночь думалъ объ одномъ—о соединеніи Средиземнаго моря съ Индѣйскимъ посредствомъ Суэзскаго канала. Зная, что Русскіе давно уже губятъ попусту людей воюя съ Турками или Черкесами, я придумалъ употребить этихъ головорѣзовъ въ дѣло.

Съ этой цѣлью я снова отправился въ Петербургъ, извѣщенный напередъ, что царь, прозванный потомъ Донъ-Кихотомъ нашего вѣка, очень расположенъ ко мнѣ. Явившись во дворецъ, я былъ принятъ въ кабинетѣ императора и за чашкой кофе посовѣтовалъ ему обезсмертить себя, вмѣсто шутовскихъ походовъ въ Италію и Швейцарію, прорытіемъ Суэзскаго канала. На другой же день по всей имперіи былъ разосланъ указъ такого содержанія :..“ повелѣваемъ всѣмъ и каждому, на морѣ и на сушѣ, оказывать Барону Мюнхаузену всякую помощь и содѣйствіе въ его великомъ предпріятіи” и т. д.

Въ силу этого приказанія, я набралъ себѣ множество Русскихъ инженеровъ, присоединилъ къ нимъ двѣ или три тысячи Турокъ, и пошелъ съ ними копать Суескіе пески. Прибывъ на мѣсто, я осмотрѣлъ работы, измѣрилъ пространство, собралъ орудія и, на другой

день, приступилъ къ дѣлу. Не далѣе, какъ черезъ пять дней воды Индѣйскаго океана слились съ средиземными, и я увидѣлъ необыкновенное множество кораблей, плывшихъ новымъ путемъ. Въ память такого важнаго событія, мнѣ приготовили великолѣпный обѣдъ въ Александріи. Вся площадь Птолемея была заставлена столами и палатками; двѣ тысячи жареныхъ быковъ и сорокъ фонтановъ, струившихся чистѣйшимъ Родосскимъ виномъ, составили пиръ народа. Чтобъ отличить меня отъ толпы, мнѣ устроено было особенное мѣсто, на высокой башнѣ, откуда я могъ озирать всю верхнюю часть Египта. Въ числѣ моихъ блюдъ, было одно самое дорогоцѣнное — жаренный хвостъ крокодила, необычайно вкусный. Совѣтую попробовать его моему читателю, если случится ему быть въ Каирѣ. Въ концѣ обѣда, когда подняли тостъ за мое здоровье, я всталъ на башнѣ и произнесъ слѣдующую рѣчь: “Народъ! мы празднуемъ великій день побѣды надъ природой. Посмотрите на Китайцевъ; они загородили себя колоссальной стѣной отъ другихъ народовъ, а мы соединили всѣ націи и моря каналомъ. Честь и слава вамъ, мои brave работники!

выпьемъ же дружно за здоровье Суезскаго перешейка.” Едва я окончилъ, какъ раздались громкія рукоплесканія и громавая пѣсня — Гогъ и Магогъ.

На другой день явились ко мнѣ съ челобитной бѣдныя Индѣйцы; они жаловались на жестокость тирана Типпо Саиба, извѣстнаго всевозможными злодѣйствами на полуостровѣ. Не медля ни минуты, я поѣхалъ усмирить разбойника. Созвавъ тысячу Сипоевъ и десятка два европейцевъ, я напалъ на Саиба въ распахъ и прогналъ его армію до самыхъ воротъ Серингапатама; здѣсь я вызвалъ его на смертельный бой, въ виду всего города и войска. Саибъ выѣхалъ на слонѣ, вооруженномъ пушкой, а я на бѣломъ конѣ, и съ копьемъ. Едва мы сошлись на довольно близкомъ разстояніи, какъ коварный деспотъ пустилъ въ меня градомъ пуль и бомбъ. Перехватавъ ихъ руками, я бросился на слона и ухватившись за верхнюю часть хобота, нижнимъ концемъ началъ хлыстать хитраго врага. Удары мои были такъ метки, что я сшибъ Саиба на землю и, схвативъ за глотку, отнесъ въ свой лагерь.

Долго я раздумывалъ, какъ бы покрѣпче наказать этого тиранна. Собравъ индѣйскихъ мудрецовъ, мы положили общимъ совѣтомъ— посадить Саиба на престолъ вверху ногами и держать его въ этомъ положеніи до глубокой старости. Народъ былъ въ восторгѣ отъ такого распоряженія, и въ награду провозгласилъ меня великимъ и непобѣдимымъ Властителемъ всей Индіи. Не желая ссориться съ Англичанами, я отклонилъ эту честь и простымъ смертнымъ уѣхалъ въ Европу.

ГЛАВА XVI.

С а м а я   к о р о т к а я   и   с а м а я
п р і я т н а я   д л я   А н г л и ч а н ъ .

Возвращаясь изъ Индіи, я поѣхалъ въ Англію черезъ Францію. Какъ иностранецъ, я не встрѣтилъ никакихъ непріятностей на этомъ пути. Въ Кале я встрѣтилъ корабль, съ Англійскими матросами, взятыми въ плѣнъ. Тотчасъ же блеснула въ моей головѣ мысль—освободить ихъ отъ неволи, что я и исполнилъ слѣдующимъ образомъ: придѣлавъ себѣ пару крыльевъ, въ сорокъ метровъ длины и двадцать ширины, я поднялся на корабль съ первымъ блескомъ зари, когда всѣ—даже часовой—спали отчаяннымъ сномъ. Вколотивъ наверху трехъ мачтъ крѣпкіе кручья, я поднялъ корабль надъ водой и понесъ его въ Дувръ. Переправа моя продолжалась не болѣе пол часа. Не имѣя больше надобности въ крыльяхъ, я подарилъ ихъ коменданту Дуврскаго замка, гдѣ доселѣ показываютъ ихъ, какъ рѣдкость.

Что же касается Французовъ и плѣнныхъ Англичанъ, они проснулись за два часа до нашего пріѣзда. Послѣдніе тотчасъ поняли свое положеніе и, помѣнявшись мѣстами, съ первыми, отняли у нихъ все — на этотъ разъ не болѣе — что было взято Французами по праву войны.

ГЛАВА XVII.

В время путешествія въ Восточную Индію, съ капитаномъ Гамильтономъ, я взялъ съ собою любимую ищейку — Трезора. Говоря языкомъ поэзіи, эта собака была дороже всѣхъ сокровищъ міра, потому что она никогда не обманывала меня. Однажды, когда по нашимъ разсчетамъ, мы были не менѣе, какъ въ трехъ стахъ миляхъ отъ материка, Трезоръ почувствовалъ приближеніе дичи. Я съ удивленіемъ наблюдалъ это около часу, и замѣтилъ капитану, что мы должны быть не далеко отъ земли, потому что моя собака ощущаетъ запахъ дичи. Всѣ засмѣялись; но это нисколько не измѣнило моего мнѣнія о Трезорѣ. Послѣ

долгаго спора за и противъ, я сказалъ капитану, что гораздо больше вѣрю въ носъ моей собаки, чѣмъ въ глазъ всякаго моряка, и потому предложилъ пари во сто гиней. Капитанъ опять засмѣялся и, позвавъ доктора, попросилъ его пощупать мой пульсъ. Медикъ отвѣчалъ, что я совершенно здоровъ. Потомъ они повели, въ полголоса, слѣдующій разговоръ:

Капитанъ. Кажется, баронъ спятилъ съ ума. Я не могу, по чести, принять его пари.

Докторъ. Я думаю иначе; онъ въ полномъ здоровомъ умѣ, и полагается больше на чутье своей собаки, чѣмъ на знаніе всѣхъ морскихъ офицеровъ. Онъ, конечно, проиграетъ, и по-дѣломъ ему!

Капитанъ. Целовко выиграть такое пари. Впрочемъ я попыталъ бы, если бъ только онъ принялъ назадъ деньги.

Впродолженіи этого разговора, Трезоръ бѣгалъ на палубѣ и обнюхивалъ всѣ углы, что утвердило меня еще больше въ моемъ мнѣніи. Я опять предложилъ пари, и оно было принято.

Идетъ! Идетъ! сказали мы почти вмѣстѣ, и въ тоже время матросы, удившіе за бортомъ,

вытащили огромнаго тюленя. Чтобъ собрать жиръ, они разрѣзали его на двѣ части, и вдругъ изъ его желудка порхнули шесть паръ живыхъ куронокъ.

Онѣ тамъ находились уже давно, потому одна сидѣла на яйцахъ, а другая прятала подъ крыльями маленькихъ дѣтенышей. Капитанъ задумался, видя, что мой Трезоръ не способенъ лгать, когда дѣло идетъ о вѣрномъ пониманіи его носа. Выигравъ пари, я задалъ морякамъ обѣдъ, съ куроночками, и предложилъ тостъ за здоровье всѣхъ собачьихъ носовъ, и въ особенности моего Трезора.

ГЛАВА XVIII.

Второе путешествіе на луну.

Я ужъ разскалъ вамъ объ одномъ путешествіи на луну, за моимъ серебрянымъ топорикомъ. Случилось мнѣ побывать тамъ и во

второй разъ ; эта поѣздка была еще забавнѣе; я пробылъ здѣсь очень долго и намѣренъ сообщить все, что я видѣлъ.

По просьбѣ одного дальняго родственника, который утверждалъ, что есть народъ именно такой, какъ описалъ его Гуливеръ въ царствѣ Бродиньяки, я отправился на поискъ Лиллипутовъ. Что до меня, я всегда считалъ этотъ рассказъ баснословнымъ ; впрочемъ, чтобъ исполнить волю своего родича, назначившаго меня своимъ наслѣдникомъ, я поплылъ въ южное море, не встрѣтивъ на дорогѣ ничего замѣчательнаго.

Черезъ три недѣли, когда мы миновали островъ Отаити, насъ застигъ необычайный ураганъ ; однимъ порывомъ подняло нашъ корабль, по крайней мѣрѣ, на тысячу миль надъ океаномъ, и мы около шести недѣль носились выше облаковъ. Наконецъ мы открыли обширную землю, окруженную лучами, круглую и свѣтлую ; причаливъ къ превосходному порту, мы вышли на берегъ, и увидѣли, что земля обитаемая. Внизу подъ нами виднѣлась другая планета, покрытая горами, рѣками, лѣсомъ, городами и проч. ; это была та самая земля, на которой мы жи-

вемъ. Обитатели открытой нами планеты были люди колоссальнаго роста; они разъѣзжали на громадныхъ трехголовыхъ коршунахъ. Чтобъ составить нѣкоторое понятіе объ этихъ птицахъ, я долженъ сказать вамъ, что каждое крыло у нихъ шесть разъ больше, чѣмъ коренной парусъ нашего корабля. Такъ вмѣсто лошадей, какъ мы, обыкновенно, ѣздимъ, великаны луны (эта планета была луна),—ѣздили на птицахъ. Царь ихъ велъ войну съ солнцемъ, и предложилъ мнѣ вступить въ его войско, но я рѣшительно отказался. Все въ этомъ странномъ мірѣ необыкновеннаго размѣра: простая муха больше всякаго изъ нашихъ кораблей; войну они ведутъ радисками—это главное ихъ орудіе, которое они употребляютъ вмѣсто копій; раненные не медленно умираютъ. Щиты у нихъ сдѣланы изъ грибовъ, а стрѣлы изъ верхнихъ кончиковъ спаржи. Сюда пріѣзжаютъ торговать жители звѣзды—Сѣверной Медвѣдицы. Фигура ихъ очень интересная; лицо—шириной съ хорошую бочку; глаза—въ подбородкѣ, ниже носа; у нихъ нѣтъ рѣсницъ, и они покрываютъ глаза, во время сна языками: ростъ ихъ не менѣе двадцати футовъ высоты. Что

же касается до обитателей луны, они еще выше,—около тридцати шести футовъ; они называются не людьми, а кухмистерами, потому что готовятъ свою пищу не иначе, какъ на огнѣ, и притомъ ѣдятъ ее не такъ, какъ мы: вѣроятно, ради сбереженія времени, чтобъ не тратить его попусту за обѣдами и ужинами, они открываютъ лѣвый бокъ и разомъ кладутъ ее въ желудокъ, въ слѣдующій мѣсяцъ и въ тотъ же день они повторяютъ тотъ же пріемъ. Выходитъ, что каждый изъ нихъ ѣстъ только двѣнадцать разъ въ годъ. Я думаю что это самая лучшая метода для большихъ обжоръ и эпикурейцевъ.

На лунѣ живетъ только одинъ полъ людей и другихъ животныхъ; всѣ они родятся изъ деревьевъ разной величины и свойства. То дерево, которое производитъ кухмистеровъ, самое красивое и стройное, вѣтви его прямыя, листья красноватыя, плодъ заключаетъ въ себѣ сѣмена или кости не менѣе двухъ туазовъ величиной. Когда онѣ созрѣваютъ, что узнается съ перемѣной цвѣта, ихъ бережно собираютъ и хранятъ. Когда нужно, чтобъ изъ сѣмени вышло живое существо, его бросаютъ въ кипятокъ, черезъ нѣсколько минутъ является животное.

Природа надѣлила ихъ умомъ для разныхъ предпріятій, и каждому зерну напередъ опредѣлила его назначеніе. Изъ одного образуется воинъ, изъ другого философъ, изъ третьяго законовѣдецъ, изъ четвертаго пахарь и т. д., и каждый изъ нихъ дѣйствуетъ только въ своей сферѣ.

Когда они старѣются, смерти не знаютъ, но превращаются въ воздухъ и исчезаютъ подобно дыму. Что же до питья, они ничего не пьютъ, и дышутъ, вмѣсто легкихъ, волосами. У нихъ по одному пальцу на каждой рукѣ, также дѣйствуютъ, какъ мы своей пятерней. Головы они свертываютъ подъ правую мышку, и когда путешествуютъ, или предпринимаютъ какое нибудь трудное дѣло, они оставляютъ ихъ дома, потому что могутъ совѣтоваться съ головой на всякомъ разстояніи: это обыкновенная ихъ манера. И когда люди старшіе или сановные желаютъ знать, что дѣлается вдали отъ нихъ, между народомъ, сами они остаются у себя, а голову посылаютъ на посылки; она невидимкой ходитъ вездѣ, и разузнаетъ разныя произшествія.

Желудки у нихъ складываются, какъ наши дорожные мѣшки; и когда они ненужны имъ

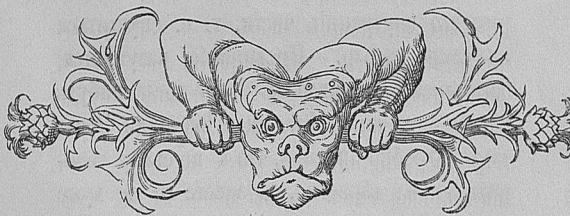
они оставляютъ ихъ, какъ мы оставляемъ шляпы и перчатки. Одежды они не носятъ никакой, потому что не боятся ни холоду, ни стыда.

Но что всего занимательнѣе, Лунатики вынимаютъ глаза, какъ стекла изъ подзорныхъ трубокъ, и могутъ видѣть ими, держутъ ли ихъ въ рукѣ или въ бодбородкѣ. И если, на случай, потеряютъ, могутъ замѣнить ихъ покупными. Поэтому на лунѣ главная торговля — глазная; всѣ улицы и лавки завалены этимъ товаромъ. Мода постоянно измѣняется; нынче носятъ голубые глаза, завтра желтые. Знаю, что все это покажется страннымъ, но если хоть тѣнь сомнѣнія останется на вашей душѣ, съѣздите сами на луну и тогда убѣдитесь, что рассказъ мой справедливъ, какъ сущая правда.

ГЛАВА XIX.

Первое мое посѣщеніе Англіи было въ эпоху покойнаго короля. Здѣсь я имѣлъ случай осмотрѣть всѣ лучшіе города и разослать моимъ друзьямъ въ Гамбургъ много дорогихъ вещей. На возвратномъ пути я посѣтилъ башню Уорфъ; солнце здѣсь такъ палило и я такъ усталъ, что принужденъ былъ, для отдыха, спрятаться въ одну пушку, гдѣ преспокойно и уснулъ. Это было 4 іюня, когда здѣсь празднуется какая-то давнишняя побѣда. Ровно въ часъ по-полудни, нисколько не подозревая своего опаснаго положенія, пушка выстрѣлила, и я въ одну секунду очутился на другой сторонѣ рѣки, упавъ на стогъ сѣна. Здѣсь я продолжалъ спать тѣмъ же глубокимъ сномъ, до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не повезъ продавать свое сѣно на рынокъ. Уже здѣсь разбудили меня вилами, которыми стали разворочивать стогъ. Пробужденіе мое, конечно,

было не совсѣмъ пріятное, потому что ударъ пришелся по ребру. Вскочивъ, я съ просонокъ упалъ на хозяина, сломивъ ему шею, но не повредивъ себѣ. Потомъ, къ крайнему моему утѣшенію, я узналъ, что это былъ дурной человѣкъ, и купецъ-кулакъ, стараясь купить все дешево, а продать, какъ можно дороже.

ГЛАВА XX.

Съ особеннымъ удовольствіемъ я читалъ путешествіе Брайдона въ Сицилію ; ему же обязанъ желаніемъ посѣтить гору Этну. Какъ я пріѣхалъ сюда — это вовсе не любопытно. Черезъ три или четыре дня, по пріѣздѣ, я поднялся на вулканъ, съ тѣмъ, чтобъ осмотрѣть его внутреннія части, т. е. спуститься въ самое жерло. Предпріятіе, разумѣется, богатырское, но надо же было когда нибудь узнать, что тамъ дѣлается. Вершина Этны такъ подробно описана, что я не стану говорить о ней ; вѣроятно, вы знаете ее не хуже меня. Осмотрѣвъ края кратера, очень широкаго и похожаго на воронку, я началъ думать, какъ бы спуститься внизъ. На этотъ разъ, ничего не пришло на умъ лучшаго, какъ спрыгнуть туда со всѣхъ ногъ, что я и сдѣлалъ. Тотчасъ же я почувствовалъ не обы-

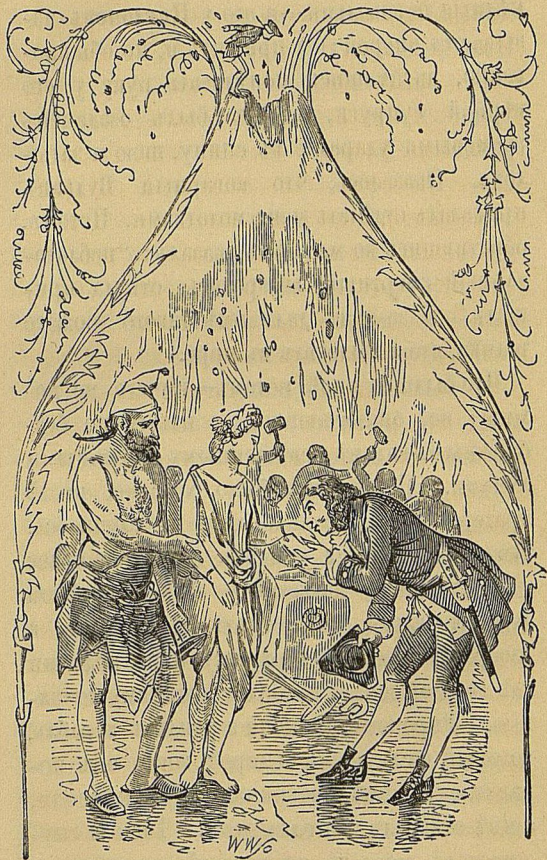
чайный жаръ ; со всѣхъ сторонъ валился на меня пепель и горячіе уголья. Это замедлило мой полетъ ; тяжесть, однакожъ, превозмогла и я скоро былъ въ самой сердцевинѣ волкана, среди раздирающаго шума и крика, смѣшаннаго съ проклятiями. Очнувшись и оправившись отъ страху и боли, я оглянулъ кругомъ себя. Вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ себя въ обществѣ Вулкана и Циклопа ; три недѣли они ссорились, изъ-за власти и управленiя, что сопровождалось всеобщимъ потрясеніемъ земнаго шара. Впрочемъ приходъ мой помирилъ ихъ, и самъ Вулканъ—очень любезный джентльменъ — приложилъ пластырь къ моимъ ранамъ, отчего онѣ немедленно и зажили. Потомъ онъ угостилъ меня прохладительными напитками, нектаромъ и винами, какія подаются на столъ только богамъ и богинямъ. Послѣ этой прелестно-адской закуски, Циклопъ приказалъ Венерѣ обласкать меня, какъ заѣзжаго странника. Нельзя описать красоты комнаты и роскоши кровати, на которой я отдыхалъ. Развѣ только Гуріи, да Султанскія жены спятъ такъ превосходно, какъ я провелъ первую ночь въ царствѣ Вулкана.

Онъ очень обстоятельно познакомилъ меня съ Этной. “То что вы, простые смертные, сказалъ онъ, называете землетрясеніемъ, ничто иное, какъ пепелъ, выбрасываемый изъ моей печи. Въ наказаніе своевольныхъ подданныхъ, я бросаю въ нихъ горячимъ угольемъ и золой; отражая ее и не смѣя обратиться на меня, они выкидываютъ ее на поверхность земли, съ такой силой, что нѣкоторые камни, вылетаютъ изъ жерла Этны или Везувія, и падаютъ близъ Москвы или Константинополя; вы, съ-дуру, называете эти осколки аеростотами, и думаете, что они низвергаются сверху. Нѣтъ ни одной простой вещи, чтобъ ваши ученые колпаки не запутали ее разнымъ теоретическимъ вздоромъ.” Дальше онъ увѣрялъ меня, что гора Везувій была нѣкогда его особеннымъ дворцомъ, въ которомъ есть сообщеніе подъ водой, на пространствахъ трехъ сотъ пятидесяти миль.

Обласканный и любимый, я продолжалъ быть особенно любезнымъ съ Венерой; но Вулкану эта вѣжливость не понравилась, и онъ очень грубо наказалъ меня. Однажды пригласивъ въ свой кабинетъ пить чай и послушать музыки (двѣсти молотовъ били въ

мѣдныя наковальни—и это у Циклоповъ называется оперой;) я пришелъ и, по обыкновению, нагнувшись поцѣловать руку у его вѣрной супруги, вдругъ былъ озадаченъ громовыми ударами въ спину, шею и затылокъ. Оказалось, что коварный Вулканъ приказалъ отдѣлать меня молотками. Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: “неблагодарный смертный, возвратись, откуда пришелъ,” и за-тѣмъ далъ мнѣ такого дюжаго толчка, что я вылетѣлъ въ море.

Что было со мной потомъ—ничего не помню; но, опамятавшись, я плылъ по безбрежнымъ водамъ, освѣщеннымъ солнечными лучами. Не множо было холодно, послѣ кратера Этны, но лихорадки не случилось. Вскорѣ за-тѣмъ, я увидѣлъ громадное бѣлое тѣло, плывшее на-встрѣчу мнѣ; это была ледяная глыба. Осмотрѣвъ ее кругомъ, я взобрался на самую верхушку, и не видя ни гдѣ твердой земли, предался двойному отчаянію. Впрочемъ, къ ночи я увидѣлъ корабль, который шелъ очень быстро; когда онъ поравнялся со мной, я закричалъ ему понѣмецки, а мнѣ отвѣчали по-голландски. Тогда я спустился въ море и, по веревкѣ, взошелъ на

палубу. Допросивъ ихъ, гдѣ они были, я узналъ,—что въ великомъ южномъ океанѣ. Теперь было ясно, что я изъ горы Этны черезъ центръ земли, былъ выброшенъ въ индѣйское море. Надѣюсь, что никто, и самый Кукъ, не совершалъ такого быстрого и наставительнаго путешествія.

Я освѣжился и пошелъ спать. Голландцы очень грубый народъ. Разсказавъ имъ о своемъ путешествіи въ жорло горы Этны, я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ, и въ-особенности капитанъ, судя по его гримасамъ, усомнились въ достовѣрности моего разсказа. Впрочемъ изъ уваженія къ ихъ гостепріимству, я проглотилъ оскорбленіе.

На вопросъ мой—“куда они ѣдутъ?”—капитанъ отвѣчалъ—“на поискъ новыхъ открытій. И если, прибавилъ онъ, исторія ваша справедлива, то проходъ открыть, и мы бесполезно возвратимся на родину.” Корабль шелъ тѣмъ самымъ путемъ, гдѣ нѣкогда плылъ знаменитый Кукъ, и на другой день мы пристали къ Ботани-Бэ. Я отнюдь не посовѣтовалъ бы Англичанамъ ссылатъ сюда преступниковъ и наказывать ихъ ссылкой; жизнь на этомъ островѣ, скорѣе можетъ быть награ-

дой людей порядочныхъ, потому что природа — богатая и великолѣпная.

Здѣсь мы пробыли только три дня, а на четвертый застигла насъ ужасная буря, раз-
метавшая корабли, поломавшая мачты и кор-
мы. И что всего хуже, она упала прямо на
ящикъ, въ которомъ хранился компасъ, раз-
битый въ дребезги. Извѣстно, какъ велико
это несчастіе на морѣ; теперь былъ потерянъ
нашъ путь. Наконецъ буря стихла, но ее
смѣнилъ рѣзкій вѣтеръ, подъ которымъ мы
дѣлали, по крайней мѣрѣ, сорокъ узловъ въ
часъ; такое плаваніе продолжалось шесть
дней. Наконецъ кругомъ насъ все стало из-
мѣняться; зеленые воды приняли бѣловатый
цвѣтъ; на обоняніе повѣяло ароматическимъ
запахомъ, и скоро открылись берега; мы
вошли въ очень хорошій портъ, и ступили на
землю, текущую медомъ и молокомъ. Оказа-
лось, что это былъ островъ, состоявшій изъ
одного сыра. Можете представить, съ какимъ
наслажденіемъ любители этого кушанья, бро-
сились къ нему, и какъ они были рады такой
неожиданной находкѣ. Что до меня, я сыру
не люблю, и потому не способенъ былъ раз-
дѣлять ихъ восторга. Жители этого острова

очень многочисленны, и они питаются однимъ сыромъ, котораго каждую ночь вырастаетъ столько, сколько имъ нужно на день. Здѣсь же мы нашли очень много винограду, но странно, что грозды его, вмѣсто вина, точились молокомъ. Физіономія обитателей была очень комическая, совершенно на оборотъ нашей; ростъ ихъ—не менѣе девяти футовъ высоты; три ноги и одна рука. Вообще же они очень красивы, съ однимъ рогомъ на лбу, и когда дѣло доходить до драки, сражаются на рогахъ, съ удивительной ловкостью. Они не ходятъ, а плаваютъ въ молокѣ, какъ мы гуляемъ по зеленому лугу.

На томъ же островѣ, во время прогулокъ, мы открыли семнадцать молочныхъ рѣкъ, и десять сладчайшаго ликера. Многіе изъ матросовъ, по жадности, такъ напились, что попадали въ эту жидкость и утонули.

На тридцать восьмой день нашего странствія, мы подѣхали къ противоположной сторонѣ. Здѣсь мы встрѣтили неизвѣстное намъ растеніе—маньолію, огромнаго размѣра, а на немъ всевозможные фрукты—груши, яблоки, абрикосы и тысячи другихъ, совершенно новаго вкуса. На этихъ растеніяхъ были птичьи

гнѣзда необыкновенной величины. Такъ одно было въ окружности въ два раза больше купола Св. Петра въ Римѣ. Оно было свито изъ древесныхъ вѣтвей, очень искусно сплетенныхъ. Въ гнѣздѣ лежало до пяти сотъ яицъ, изъ которыхъ каждое было величиной съ большое колесо. Открывъ одно съ великимъ усиліемъ, мы увидѣли безпераго птенца, очень изящной формы. Едва мы выпустили его на волю, какъ мать его—здоровенная птица, схвативши нашего капитана въ когти, подняла его къ облакамъ и потомъ бросила внизъ; къ-счастію онъ упалъ въ море, но возвратился на корабль безъ зубовъ, потому что эта свирѣпая птица выбила ихъ крыльями, когда несла его вверхъ.

На возвратномъ пути, мы взяли другое направленіе и видѣли множество новыхъ интересныхъ предметовъ. Между прочимъ, мы застрѣлили двухъ дикихъ кабановъ; у каждого торчалъ одинъ рогъ между глазами, почти также, какъ у жителей упомянутаго острова. Потомъ мы освѣдомились, что этихъ звѣрей можно обучать для верховой ѣзды и вѣшать на ихъ рога до пятидесяти пудовъ какой угодно клади.

Мимоходомъ около одной отмѣли, мы замѣтили трехъ людей, повѣшенныхъ за ноги. Распросивъ, я узналъ, что это были три путешественника, наказанные за то, что, возвратившись домой, обманули своихъ друзей, рассказавъ имъ о небывалыхъ вещахъ. Впрочемъ это дѣло не касалось меня; я ограничиваюсь всегда одними фактами.

Прибывъ на корабль, мы отчалили; едва отъѣхали отъ берега, какъ къ крайнему нашему изумленію, деревья начали кланяться намъ; каждое изъ нихъ, мѣрнымъ тактомъ, наклонилось два раза въ поясъ, и потомъ всѣ выпрямились по-прежнему. Не лзя было не подумать, что посѣщеніе наше было пріятно имъ.

Путешествуя безъ компаса, мы вошли въ море, которое показалось намъ почти чернаго цвѣта. Попробовавъ его воду, мы нашли ее превосходнѣйшимъ виномъ, и съ трудомъ оторвали матросовъ отъ дароваго напитка. Черезъ нѣсколько часовъ, окружили насъ киты и другія животныя необычайной величины; особенно одинъ изъ нихъ былъ колоссальной мѣры. Мы наѣхали прямо на него, и это чудовище втянуло нашъ корабль, со

всѣми его снарядами, въ свою широкую пасть; потомъ, разинувъ ее еще шире и забравъ въ нее дѣлое озеро воды, проглотило насъ совершенно. Легко вообразить, что это было за брюхо, когда корабль нашъ, съ мачтами и парусами, помѣстился въ немъ такъ удобно, какъ будто мы стояли на якорѣ, въ спокойномъ портѣ. Температура была теплая и не совсѣмъ удобная для дыханія. На днѣ этого уroda-желудка валялись якоря, канаты, лодки, шлюбки, и нѣсколько разбитыхъ или полусгнившихъ кораблей; все это было проглочено страшнымъ животнымъ. Темнота была непроглядная—ни солнца, ни мѣсяца; только въ какомъ-то углу мерцала блѣдная лампа. Каждый день насъ качало сильнымъ приливомъ и заносило пескомъ. Животное, съ каждымъ глоткомъ воды, забирало ее не меньше Женевского озера, а это озеро, какъ вы знаете, тридцать миль въ окружности. На другой день, когда корабль сидѣлъ на мели, мы съ капитаномъ сошли съ него, засвѣтивъ фонари. Прогулка наша внутри кита была самая занимательная; мы встрѣтили людей всѣхъ націй, на площади, очень похожей на Вандомскую. Здѣсь толпилось народу тысячъ

десять; шло совѣщаніе, какъ бы выйти на свѣтъ божій изъ этой темной пропасти; нѣкоторые оставались здѣсь по нѣскольку лѣтъ. Между ними были дѣти, никогда не видѣвшіе ни солнца, ни земли. Въ ту самую минуту, какъ начался жаркій диспутъ, животное почувствовало жажду и глонуло воды; потокъ ея былъ такъ быстръ и глубокъ, что мы принуждены были, сломя голову, бѣжать по домамъ, иначе рисковали захлебнуться или потонуть. Дождавшись новаго отлива, мы положили общимъ совѣтомъ — связать двѣ большія мачты, и когда наша т ю р ь м а разинетъ свою пасть, немедленно пропустить ихъ въ ея глотку, чтобъ она не закрылась. Задумано и сдѣлано. Сотня коренастыхъ людей была выбрана для этой работы. Какъ только животное растворило ротъ, мы поставили свой снарядъ такъ, что верхній конецъ его былъ воткнутъ въ небо, а нижній въ языкъ. Такимъ образомъ распахнувъ ротъ кита, мы дождались прилива и вышли на небольшихъ лодкахъ, въ открытое море. Дневной свѣтъ, послѣ трехмѣсячнаго заключенія въ гниломъ воздухѣ и совершенной темнотѣ, обрадовалъ нашъ взоръ невыразимо. Когда

мы всѣ освободились отъ этого всемірнаго обжоры, корабли наши составили вмѣстѣ огромной флотъ—всѣхъ націй и самыхъ разнообразныхъ флаговъ.

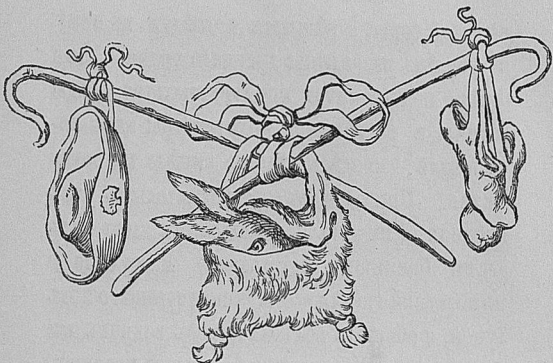
Мачты мы оставили во рту у него за тѣмъ, чтобъ предупредить на будущее время другихъ отъ этой ужасной бездны. Первымъ нашимъ вопросомъ было: “въ какой части свѣта мы находимся? Послѣ разныхъ наблюденій, я рѣшилъ, что мы плавали среди Каспійскаго моря; оно было извѣстно мнѣ лучше, чѣмъ другимъ. Какъ мы попали въ него — это непостижимо, потому что оно не имѣетъ сообщеній съ другими водами. Впрочемъ одинъ изъ обитателей Сырнаго Острова доказалъ мнѣ, что животное провело насъ сюда подземнымъ ходомъ. Какъ только я вышелъ на берегъ, на меня бросился молодой медвѣженокъ; но я, не давъ ему распустилъ когтей, схватилъ его руками и такъ сжалъ, что онъ, заревѣлъ отчаянно, и испустилъ духъ. Вы, пожалуй, улыбнетесь надъ этимъ подвигомъ, но это такъ было, и я не могу измѣнить факта. Отсюда я опять отправился въ Петербургъ.

Здѣсь все измѣнилось, въ нѣсколько лѣтъ, какъ будто я попалъ въ другой городъ и къ другому народу. Поразвѣдавъ у разумныхъ людей, что значить эта перемѣна, я узналъ, что старый царь умеръ, а новый сѣлъ на престолъ. Первый былъ угрюмый чудакъ, правившій народомъ не столько по правиламъ головы и сердца, сколько по правиламъ своего разстроеннаго желудка. И такъ какъ желудокъ его страдалъ постоянными припадками, въ-особенности дурнымъ пищеваріемъ, то каждый симптомъ царскаго брюха былъ истиннымъ несчастіемъ для народа. Напротивъ, другой властитель пользовался полнымъ здоровьемъ, и въ имперіи его все было весело и въ порядкѣ. Чтобъ понять этотъ странный темпераментъ Россіи, надо знать, что въ ней только одинъ царь живетъ, думаетъ и говоритъ, а всѣ прочіе только смотрятъ на него и передразниваютъ. Кто любитъ фарсы и комедіи, тому я совѣтую съѣздить въ Россію и познакомиться съ зимнимъ дворцомъ. Это превосходнѣйшій балаганъ фигляровъ въ цѣломъ мірѣ.

На этотъ разъ я въ Петербургѣ ничего не сдѣлалъ, кромѣ посѣщенія академіи наукъ. Представьте, что здѣсь разсуждаютъ ногами,

а ходить головами. Впрочемъ, ученое общество очень малое. Оно состоитъ большею частию изъ нашей кочующей братіи, торговыхъ Нѣмцевъ.

Возвратившись въ Англію я былъ представленъ Роберту Пилю ; онъ, какъ первый министръ, ввелъ меня во дворецъ королевы, гдѣ я разсказалъ всѣ свои походы, въ-присутствіи пятидесяти лордовъ, и за то получилъ орденъ подвязки. Вотъ гдѣ истина не пропадаетъ даромъ !

ГЛАВА XXI.

Возникъ у меня семейный споръ съ однимъ дальнимъ родственникомъ, споръ очень важный, и я долженъ былъ посѣтить его на островѣ Танетѣ. Ожидая окончанія процесса, я въ то же время пользовался прекрасной погодой и предпринималъ утреннія прогулки. Замѣтивъ однажды черный предметъ на вершинѣ

высокой горы, я рѣшился подойти къ нему, и увидѣлъ развалины древняго храма. Они сильно подстрекнули мое любопытство: слѣды величія и роскошной архитектуры явно показывали, что здѣсь нѣкогда кипѣла широкая жизнь. Пораздумавъ о разрушительной силѣ времени, я не могъ удержаться отъ слезъ надъ этими бранными остатками. Разсуждая о мимолетной гибели всего, существующаго подлунной, я обошелъ нѣсколько разъ вокругъ эти развалины. На восточной сторонѣ ихъ уцѣлѣли остатки высокой башни, отбѣненной плющемъ, съ плоской кровлей и около сорока футовъ высоты. Осмотрѣвъ ее внимательно, я захотѣлъ взлѣсть на ея вершину, предполагая, что видъ съ нея будетъ самый восхитительный. Одушевленный этимъ желаніемъ я, цѣпляясь за нити плюща, достигъ цѣли, хоть и не повсѣмъ безопасно. Платформа была покрыта свѣжей зеленью, а по срединѣ виднѣлась пропасть. Насладившись грандіозной сценой окружающей природы, ясной, живописной и разнообразной, у меня родилось новое желаніе спуститься внизъ, чтобъ измѣрить глубину бездны, которая, вѣроятно, соединялась съ какимъ нибудь подземнымъ

проходомъ ; но не имѣя веревки, я не зналъ, какъ сойти туда. Перебравъ въ головѣ всѣ возможные средства, я бросилъ камень внизъ и сталъ прислушиваться къ эху. Звукъ долго раздавался, переливаясь въ тысячи различныхъ тоновъ. Слушая его, я вдругъ увидѣлъ огромнаго орла, вылетѣвшаго оттуда съ необычайной быстротой ; не знаю какъ, но я мгновенно очутился на его стѣнѣ, и онъ, расправивъ свои чудовищныя крылья, понесъ меня на воздухъ. Ухватившись за его шею, я находилъ путешествіе безопаснымъ и даже пріятнымъ. Пролетая мимо горы Моргата, мы встрѣтились съ охотникомъ ; онъ выстрѣлилъ въ орла, и отбилъ мнѣ пятку у сапога, но не ранилъ. Отсюда орелъ полетѣлъ на Гибралтарскую скалу, и только—что хотѣлъ пристѣсть на вершинѣ ея, какъ раздался залпъ ружейныхъ ударовъ: пули свистѣли надъ моей головой и градомъ сыпались изъ подъ перьевъ птицы : но и здѣсь мы остались невредимы. Поднявшись немедленно, орелъ пустился по атлантическому океану, и, поровнявшись съ Венсенскими лѣсами во Франціи, быстро упалъ внизъ. Здѣсь я рисковалъ перевернуться черезъ его голову и ушибиться до

смерти. Къ счастію, орель сѣлъ на высокое дерево, и я имѣлъ время оправиться. Не желая подвергаться опасности, я рѣшился освободиться отъ него, при болѣе удобномъ случаѣ, когда онъ поднимется на Альпійскія горы или сядетъ на равное мѣсто. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, онъ облетѣлъ кругомъ лѣса и такъ громко закричалъ, что крикъ его можно было слышать по ту сторону канала.

Вдругъ, на встрѣчу ему, пролетѣлъ другой орель; онъ взглянулъ на меня съ явнымъ неудовольствіемъ; послѣ обычныхъ привѣтствій и какого-то нѣмаго, но понятнаго имъ языка, они помчались по одному направленію.

Черезъ два часа передъ нами открылась снѣжная вершина горы-гиганта, съ великолѣпными окрестностями. Орлы опустились на вершину, и я скоро догадался, что это былъ Монъ-Бланъ. День былъ ясный и тихій, какъ сонъ ребенка. Подъ нами раскидывались селы, фермы, рѣки, цѣпи горъ, долины, озера, дороги, стада и охотники, и все это сливалось въ одну стройную и яркую панораму. Вдали на сѣверъ виднѣлся Швейцарскій оберландъ, съ его прелестными деревушками; къ югу, Италіянскія равнины, роскош-

ныя, какъ Персидскія ковры; направо и налѣво, ряды гранитныхъ скалъ, обильная растительность и шумные водопады. Желтоватое озеро, какъ изумрудъ въ эмали, горѣло чуднымъ цвѣтомъ, такъ что лучше и богаче этой картины я ничего не видѣлъ отъ роду.

Когда я отдохнулъ и насладился безподобнымъ видомъ, орлы собрались въ новый путь; они понеслись къ Тенерифскому пику. На Монъ-Бланъ я не могъ оставить своего возницу, потому что безъ проводника невозможно было спуститься внизъ; здѣсь то же не видѣлъ никакого средства. Между тѣмъ, орлы, видимо утомленные и, подъ вліяніемъ сильнаго солнечнаго жара, заснули; я не замедлилъ послѣдовать ихъ примѣру. Когда солнце закатилось за горизонтъ и настали прохладные сумерки, я проснулся. Спутники мои уже давно пробудились; взмахнувъ крыльями и вытянувъ шею, они направились къ южной Америкѣ. Луна освѣщала океанъ, и я любовался зрѣлищемъ безчисленнаго множества острововъ, разсѣянныхъ по дорогѣ. На разсвѣтъ мы достигли твердой земли и спустились на темя очень высокой горы. Въ ту самую минуту, мѣсяцъ, прорѣзавъ дымчатая облака,

скользнулъ палевымъ свѣтомъ, и я увидѣлъ родъ кустарника, покрытаго плодами, похожими на ягоды; орлы пожирали ихъ съ жадностію. Я старался распознать, гдѣ мы находимся, но туманы и облака застѣняли все глубокимъ мракомъ; и что особенно было не пріятно, кругомъ насъ, на самомъ близкомъ разстояніи, раздавался потрясающій вой дикихъ звѣрей. Съ первыми лучами утра, когда сдѣлалось ясно, я подошелъ къ загадочнымъ плодамъ и, вынувъ ножъ, отрѣзалъ себѣ кусочикъ. И что же? Это былъ жареный быкъ, въ небольшихъ котлетахъ; я попробовалъ и нашелъ ихъ превосходными. Нарѣзавъ нѣсколько ломтей, я спряталъ ихъ въ карманъ, гдѣ отыскалась корка хлѣба, взятая съ Моргата, двѣ или три пули, попавшія сюда на Гибралтарской скалѣ. Завтракъ мой былъ вкуснѣй царскаго. За-тѣмъ я отрѣзалъ еще два большихъ куска и, перевязавъ ихъ ниткой, повѣсилъ на шею орла для сбереженія. Уложивъ провизію, я увидѣлъ другой плодъ, въ родѣ надутаго пузыря; проколовъ его ножичкомъ, я замѣтилъ влагу, подобную Голландскому джину; она потекла широкой струей, и чудесно утолила мою жажду.

Пока мои орлы отдыхали, я успѣлъ сдѣлать очень хорошую прогулку. Недалеко было озеро, окаймленное густымъ лѣсомъ; желая освѣдомиться, что здѣсь было интереснаго, я пошелъ къ его берегу. Воды озера искрились оранжевымъ цвѣтомъ; на нихъ плавали растенія, съ огромными листьями. Здѣсь я, въ первый разъ, увидѣлъ знаменитый цвѣтокъ-Викторію. Это открытіе принадлежитъ, безъ сомнѣнія, мнѣ, но я вовсе не думалъ прославиться, какъ ботанистъ, и потому оставилъ дѣло безъ вниманія. Между тѣмъ, взобравшись на этотъ цвѣтокъ, я нашелъ, что листья его очень тверды; изъ нихъ я устроилъ себѣ зонтикъ, который уже давно былъ нуженъ мнѣ, отъ дождя и жару.

Возвратившись къ орламъ, я замѣтилъ, что они съ нетерпѣніемъ ожидали меня. Когда я сѣлъ на свое мѣсто, накрывшись новымъ зонтикомъ, они немедленно поднялись, и, кажется, вовсе не замѣтили прибавленной ноши. Въ полчаса—не больше—мы миновали Мексиканскій оазисъ и влетѣли въ сѣверную Америку. Еще нѣсколько минутъ, и передъ нами раскинулись бѣлыя полярныя пустыни, которымъ я обрадовался, посѣтивъ

ихъ во второй разъ. Въ сторонѣ я увидѣлъ памятникъ, поставленный мной, если вы помните, во время моего перваго путешествія.

Прежде чѣмъ, мы достигли ледовитаго океана, холодъ началъ беспокоить меня. Вспомнивъ, что со мной есть крѣпкій напитокъ, я глотнулъ его и совершенно согрѣлся. Около Гудсонова залива, мы встрѣтили множество кораблей и Индійцевъ, спѣшившихъ съ товарами къ торговому порту.

Въ это время я такъ привыкъ къ своему орлу, что сидѣлъ на немъ, какъ въ креслахъ, и озиралъ окрестные предметы съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Рукамъ моимъ было тепло, потому что я пряталъ ихъ въ перья; если уставалъ, ложился на шею орла и даже иногда рѣшался вздремнуть въ этомъ положеніи.

Подъ 79 градусомъ орлы стали лѣтѣть съ особенной быстротой; я думаю за-тѣмъ, чтобъ согрѣться отъ холоду. Но вотъ несчастіе, о которомъ я и теперь не могу вспомнить безъ лихорадочнаго трѣпета. Когда уже не было видно ни земли, ни жизни, орлы, разлетѣвшись очень быстро, ударились головой о прозрачное тѣло; это было облако, замороженное холодомъ, и твердое, какъ камень.

Казалось, мы должны были неминуемо погибнуть. Но чувство опасности и ловкость моего положенія дали мнѣ возможность спасти моихъ спутниковъ; когда они обмерли отъ ушиба, я ухватился за крылья перваго и, распустивъ ихъ, упалъ внизъ, какъ будто на веревкѣ. Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что успѣлъ расплатиться долгомъ съ обязательной птицей; она, не болѣе какъ въ три дня, пронесла меня по всему земному шару и дала случай видѣть много замѣчательныхъ вещей.

На снѣгахъ ледовитаго моря мы провели нѣсколько минутъ. Я еще хотѣлъ попробовать отыскать арктическій путь, что съ давнихъ временъ занимало мою мысль. Но увидѣвъ, что льды громоздились сплошными массами и отъ холода все сжималось и замирало, я оставилъ предпріятіе до другого случая. Между тѣмъ орлы, накормленные и напоенные досыта, благодаря старому запасу провизіи, готовы были воротиться назадъ. И черезъ нѣсколько часовъ мы были на той же башнѣ, съ которой понеслись въ воздушное путешествіе.

Навѣстивъ моихъ друзей, я разсказалъ имъ о своихъ похожденіяхъ. Изумленіе выражалось на каждомъ лицѣ; они искренно поздравили меня съ счастливымъ пріѣздомъ; весь вечеръ былъ отданъ самой пріятной беседѣ и лестнымъ похвалямъ моего мужества и отваги.

ГЛАВА XXII.

Все что я сказалъ прежде—это евангельская истина ; и если бъ кто осмѣлился заподозрить меня во лжи, я готовъ драться съ нимъ на какомъ угодно оружїи. Да, я заставлю его раскаяться въ дерзости и признать непогрѣшимость моего разсказа. Конечно, у меня есть ошибки въ числахъ, въ названїи мѣстностей, но общій тонъ повѣсти безукоризненная правда. Да вѣдь задача историка или путе-

шестствника не въ подробностяхъ—это мелочи, педантизмъ ученой спѣси,—но въ идеѣ. Поэтому клянусь и исповѣдую, что въ моемъ разсказѣ есть истина, но только на свой ладъ и другаго характера.

Пріѣхавъ въ Англію осенью,—когда жители Лондона, не поглощенные лавками, биржей и пристанью, скучаютъ больше ледовитыхъ медвѣдей, я сталъ приискивать себѣ дѣло, чтобъ не застрѣлиться отъ зѣвоты. Дѣло явилось; у меня родилось желаніе побывать во внутреннихъ частяхъ Африки, и это желаніе томило меня и день и ночь. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же можно сдѣлать лучшія открытія, какъ не въ странѣ песковъ и знойнаго безплодія. Съ этой цѣлью я сталъ добиваться содѣйствія правительства, чтобъ изслѣдовать источникъ Нила, и если возможно покорить всѣ области подъ экваторомъ. Напередъ я зналъ, что эта идея понравится лордамъ; они очень любятъ подбирать къ своимъ рукамъ дикіе народы и, подъ предлогомъ какой-то цивилизаціи, обдираютъ ихъ, какъ липку. Это я замѣтилъ мимоходомъ. Дѣло въ томъ, что мой планъ былъ принятъ и, кажется, былъ принятъ особенно

потому что когда я докладывалъ его королевѣ, она зѣвала отъ скуки, а за ней зѣвали и министры, вѣроятно, чтобъ отвязаться отъ меня, они махнули рукой и приказали мнѣ дать корабль, экипажъ и сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

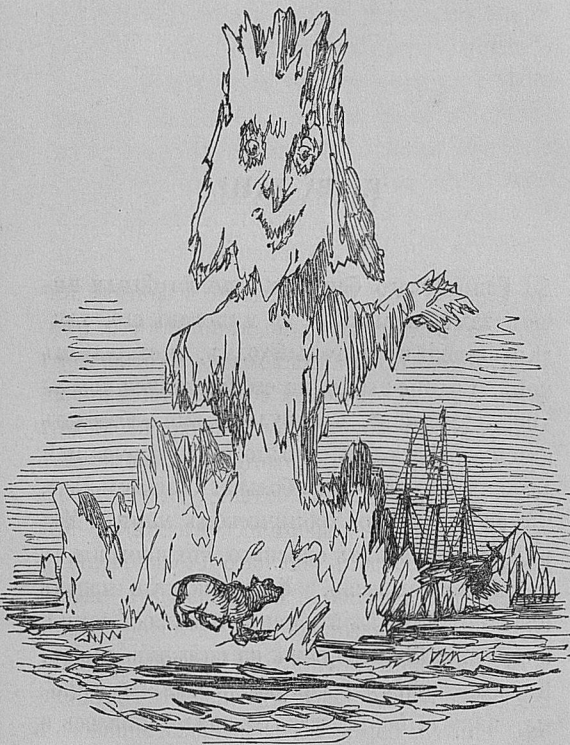
Но этого было мало; мнѣ нуженъ былъ ученый товарищъ, который бы говорилъ на всѣхъ Африканскихъ языкахъ. Въ Ирландской улицѣ, въ одномъ изъ захолустій Лондона, жилъ нѣкто Гиляро Фростикось, граматикъ, лингвистъ и философъ. Узнавъ отъ одной старой прачки о такомъ сокровищѣ, я явился къ нему, безъ всякой баронской церемоніи. Ко мнѣ вышелъ человѣкъ съ всклокоченной бородой, немытый и нечесанный, по крайней мѣрѣ со дня его свадьбы,—съ толстымъ брюхомъ, признакомъ высокой души и нѣжнѣйшаго сердца. На красныхъ щекахъ, заплывшихъ жиромъ, была замѣтна бурная страсть къ чистому джину и крѣпкому пиву. Въ глазахъ у него было что-то восклицательное, какъ междометіе. Раскланявшись, я объяснилъ ему причину моего визита. Лингвистъ и философъ, не дождавшись моего предисловія, заго-

ворилъ вдругъ на пяти разныхъ языкахъ, изъ чего я понялъ только одно послѣднее слово. Я попросилъ его объясниться по англійски или по нѣмецки ; оказалось, что онъ не говорилъ ни на одномъ чистомъ языкѣ, а употреблялъ разную смѣсь діалектовъ. Впрочемъ затрудненіе было побѣждено, и мы стали объясняться мимикой. Расхваливъ мою идею, Фростикось началъ доказывать всю трудность исполненія ея, всѣ предстоящія опасности. Желая покончить дѣло разомъ, я намекнулъ, что на моемъ кораблѣ будетъ бочка джину,—и убѣдилъ его совершенно. Онъ согласился ѣхать въ качествѣ толмача и товарища.

На другой день пришелъ ко мнѣ одинъ молодой лордъ, сынъ богатой и древней фамиліи, извѣстной особенно тѣмъ, что она не сдѣлала нигдѣ и никогда ничего хорошаго. Онъ просилъ меня присоединить его къ нашему обществу, на что я не имѣлъ никакихъ возраженій. Онъ отправлялся искать золота и брилліантовъ въ окрестностяхъ Томбукту и, начитавшись восточныхъ сказокъ, мечталъ о какой-то коронѣ въ царствѣ Моталамбута. Все же лучше, подумалъ я, въ Африкѣ, чѣмъ

въ домѣ съумасшедшихъ, подумавъ это, я просилъ юнаго лорда явиться на корабль.

3 Іюня мы вышли въ море.

ГЛАВА XXIII.

До Гвинейскаго берега мы не встрѣтили ничего замѣчательнаго; но миновавъ его, увидѣли высокій прозрачный холмъ, на открытомъ морѣ. Солнце играло на его блестящей поверхности такъ ярко, что трудно было наблюдать явленіе. Оказалось, что это былъ громадный ледяной островъ, тѣмъ больше удивительный, что онъ плылъ въ тропическомъ морѣ. Мы рѣшились избѣжать опаснаго столкновенія съ нимъ, но напрасно. Въ одиннадцать часовъ ночи подулъ свѣжій вѣтеръ, сдѣлалось темно, и мы прямо наткнулись на снѣжную глыбу. Кораблекрушеніе было ужасное. Мачты, канаты, паруса, борты все затрещало, ломалось и

уничтожалось ; экипажъ пришелъ въ отчаяніе. Чтобъ возстановить порядокъ, я приказалъ молчать и слушаться меня. Въ нѣсколько минутъ корабль наполовину былъ затопленъ водой ; ледяная масса, сорвавшись сверху, упала на палубу и перебила больше половины пассажировъ. Нечего было терять время; я поднялся на вершину мачты и успѣлъ ввести корабль въ самую середину льда. За мной послѣдовалъ и остальной экипажъ, и мы всѣ спаслись отъ гибели, перебравшись на вершину острова.

Восходъ солнца открылъ передъ нами ужасную картину ; корабль окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ ледяными массами и представлялъ самое жалкое зрѣлище. Разсудивъ, что надо дѣлать—мы рѣшились перетащить съ него всю провизію, оружія, лодки и все, что было необходимо для нашего путешествія. Теперь оставалось увести его домой, какъ это ни было трудно. Воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, мы распустили на его вершинѣ паруса, обративъ въ нихъ все, что было можно, —плащи, одѣяла, панталоны и даже рубашки. Вѣтеръ стоялъ благопріятный, и мы нѣсколько недѣль шли, въ такомъ видѣ, къ южному мысу.

Недалеко отъ него мы повстрѣчали флотъ Негровъ, судя по ихъ черной кожѣ и дикому выраженію лица. Эти варвары успѣли отбить нѣсколько кораблей у Европейцовъ въ Гвинейскомъ портѣ; познакомившись съ удобствами образованныхъ націй, они основали колоніи на вновь-открытыхъ островахъ, близъ южнаго полюса; здѣсь они завели плантаціи, какія только могли привиться въ холодномъ климатѣ. Такъ-какъ сами Негры, дѣти жаркой страны, не могли привыкнутьъ къ полярному холоду, то они задумали адскій планъ—покупать христіанъ и заставлятъ ихъ работать на себя. Съ этимъ намѣреніемъ они воровали, брали въ плѣнъ и покупали бѣлыхъ людей, женъ и дѣтей; нагружая корабли человѣческимъ мясомъ, они продавали его плантаторамъ, а эти палачи обращали несчастныхъ въ вѣчное рабство. Волосы дыбомъ становятся, когда слушаешь, какія истязанія и муки несутъ эти несчастные въ рукахъ алчныхъ торгашей.

Узнавъ объ этомъ, я рѣшился наказать злодѣевъ. Помимо открытой силы не было возможности уничтожить этотъ отвратительный торгъ человѣческими костями и тѣломъ,

потому что у Негровъ былъ предразсудокъ, что бѣлые люди не имѣютъ души. Мы рѣшились атаковать разбойниковъ, и скоро нагнали ихъ. Бой продолжался недолго ; мы забросали ихъ глыбами льда и снѣга, и спасли несчастныхъ плѣнниковъ, а тирановъ ихъ побросали въ воду. Освобожденные плакали отъ радости, и мы были довольны тѣмъ, что могли возвратить ихъ отечеству, утѣшить ихъ женъ и дѣтей.

ГЛАВА XXIV.

Прибывъ благополучно къ мысу Доброй Надежды, я приказалъ немедленно снарядить караванъ и двинуться въ сердце Африки. Голландское правительство, благодаря его гостепріимству, оказало намъ всевозможную помощь въ этой экспедиціи,—предложило превосходнаго вина и вообще было очень обязательно. Подвигаясь къ сѣверу, мы видѣли по дорогѣ плодоносныя земли, богатую растительность; дикія племена, уже знакомыя съ Европейцами, пропускали насъ дружелюбно. Но все это измѣнилось, когда мы проникли въ самый центръ Африки.

Путешествуя по направленію компаса и звѣздъ, мы съ каждымъ днемъ видѣли болѣе пустынные степи, и по ночамъ принуждены были укрываться въ пещерахъ отъ дикихъ звѣрей. Однажды, между холмами мы услышали ужасный вой львовъ,—который, подобно раскатамъ грома, раздавался по скаламъ. Казалось, что это мѣсто было общимъ свиданіемъ этихъ дикихъ животныхъ; цѣлый день мы шли съ большою осторожностью, не отдаляясь отъ каравана далѣе пистолетнаго выстрѣла. Ночью мы раскидывали палатки и укрѣпляли ихъ, подобно военному стану. Только-что мы расположились спать, какъ кругомъ насъ загремѣла оглушительная серенада, по крайней мѣрѣ, тысячи львовъ; они оцѣпили нашъ лагерь со всѣхъ сторонъ и приближались мѣрнымъ шагомъ. Скотъ нашъ трепеталъ отъ страха. Я приказалъ своимъ товарищамъ стать подъ ружье и не стрѣлять впредь до моего приказанія. Потомъ взявъ доброе количество смолы, я посыпалъ ее сплошнымъ слоемъ кругомъ лагерь, и по этому слою разсѣялъ порохъ зигзагами. Между тѣмъ львы подходили ближе и ближе. Вѣроятно они чувствовали, что ихъ ждетъ засада, и потому

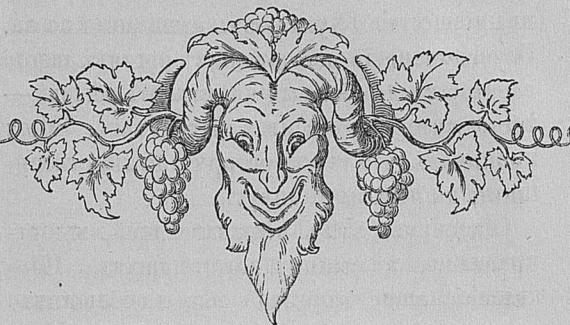
подвигались очень медленно. Едва они перешагнули, въ одно время со всѣхъ сторонъ, за черту моего смолянаго снаряда, и уткнули въ него свои носы, обнюхивая, какъ кровь, взрывая лапами и свирѣпѣя, по мѣрѣ приближенія къ добычѣ. Въ ту самую минуту, какъ они готовы были броситься на насъ, я поджегъ порохъ; взрывъ раздался, и испуганныя животныя, съ обожженными мордами, съ горящими гривами и хвостами, пустились бѣжать. Тогда я скомандовалъ общій залпъ и погоню; мы преслѣдовали ихъ по лѣсамъ около двухъ сутокъ, истребивъ всѣхъ до одного. За-тѣмъ, мы ужъ больше не слышали воя звѣрей; нашъ караванъ навелъ общій ужасъ на все четвероногое царство.

Наконецъ мы пришли на предѣлы безмѣрной пустыни, которая, какъ океанъ, расходилась на всѣ стороны отъ насъ. Ни дерева, ни былинки, не было видно; но все сливалось въ безпредѣльную песчаную степь, подернутую золотой пылью и блестками перловъ.

Перлы и золото были не-нужны намъ, потому что мы не надѣялись скоро возвратиться въ Англію. Въ сторонѣ, на концѣ горизонта мы замѣтили что-то похожее на столбъ дыма;

вооружившись телескопомъ, мы увидѣли, что это ураганъ, поднявшій песчаную массу до самыхъ облаковъ. Я тотчасъ же велѣлъ окопаться укрѣпленіемъ, что и было исполнено немедленно. Вслѣдъ за-тѣмъ, надъ нами повѣялъ вихорь; это былъ страшный потокъ песку; какъ морскія волны, онъ разливался по степи; три дня продолжалось непрерывное его теченіе и занесло насъ совершенно. Духота была невыносимая; но замѣтивъ, что буря стихла, мы открыли отверстіе на свѣтъ и выбрались изъ своей могилы очень скоро. Кругомъ лежала безжизненная пустыня. Вытащивъ лошадей и повозки, мы продолжали путь. Подобные ураганы, столь обыкновенные въ Африканскихъ степяхъ, часто беспокоили насъ, но мы всегда спасались съ помощію того же средства. Проѣхавъ болѣе девяти тысячъ миль по этой дикой и безлюдной странѣ, подъ палящимъ солнцемъ, томимые жаждой и засыпаемые пескомъ, среди постоянныхъ опасностей и лишеній, мы наконецъ завидѣли горы и зелень. Это была минута необыкновенной радости для насъ. Съ души вдругъ спало томленіе и чувство освѣжѣло. Ничего не можетъ быть романтичнѣй и гра-

ціознѣй этихъ скалъ и пропастей, окруженныхъ цвѣтками, травами и высокими пальмами. Обиліе плодовъ было безпримѣрное; стали появляться стада буйволовъ, овецъ и лошадей; на вѣтвяхъ деревъ раздавался птичій концертъ; свѣтлые горные ключи падали кристальной влагой на живописныя долины; вездѣ была жизнь и идиллическое счастье. Небо снова приняло голубой цвѣтъ, и природа видомъ повеселѣла.

ГЛАВА XXV.

Обошедъ ближайшія горы, мы вошли въ превосходную долину; на ней сидѣло множество людей, которые ѣли живаго быка, отрѣзывая отъ него ломти мяса длинными ножами. Крикъ мучимыхъ животныхъ оглашалъ этотъ варварскій праздникъ. Пирующие запивали свою

явству особеннымъ напиткомъ, описаннымъ въ путешествіи Кука,—онъ называется к а в а. Одушевленный негодованіемъ противъ такого варварства, я рѣшился уничтожить обычай—ѣсть живое мясо и пить гадкую каву. Но я понималъ, что такую реформу не лзя совершить въ нѣсколько минутъ.

Отдохнувъ здѣсь нѣсколько дней, мы отправились въ столицу новаго царства. Появленіе наше возбудило общее любопытство и говоръ по всей странѣ; на насъ смотрѣли, какъ на выходцевъ съ неба; но въ особенности стрѣльба нашихъ ружей поразила изумленіемъ дикій народъ.

Наконецъ мы достигли престольнаго города, расположеннаго на берегахъ прекрасной рѣки; императоръ, окруженный всѣмъ дворомъ, торжественно вышелъ намъ на встрѣчу. Онъ сидѣлъ на богато-убранномъ верблюдѣ, а свита его, изъ раболѣпнаго уваженія къ монарху, шла пѣшкомъ; лицо его было типомъ національной породы,—бѣлое, какъ снѣгъ. Передъ нимъ играла превосходная музыка, въ сопровожденіи роскошнаго поѣзда. За пятьдесятъ шаговъ передъ нами остановилась процессія.

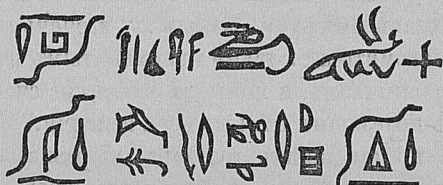

Мы привѣтствовали ее залпомъ ружейныхъ выстрѣловъ и громкимъ ура! Я поспѣшилъ сойти съ лошади и съ непокрытой головой подошелъ къ императору. Онъ былъ одинаково учтивъ—сошелъ съ верблюда на землю и, подавъ мнѣ руку, сказалъ: “я очень радъ познакомиться съ такимъ знаменитымъ путешественникомъ, и почту за особенное счастье быть полезнымъ вамъ въ моей имперіи.”

Я поблагодарилъ государя, выразивъ ему полное удовольствіе—найти столь образованный народъ внутри Африки. Изъ благодарности за его гостепріимство, я обѣщалъ ввести въ его царство науки и искусства Европейскаго общества.

Не трудно было мнѣ догадаться, что подданные его были не земнаго происхожденія, а вели свой родъ отъ обитателей луны. Это я тотчасъ замѣтилъ по языку, и чтобъ удостовѣриться, спросилъ мнѣніе своего ученаго товарища. Гиларо Фростикось подтвердилъ мою догадку и вывелъ изъ нея бездну новыхъ философскихъ заключеній. Чтобъ представить вамъ образчикъ этого удивительнаго говора, мягкаго и нѣжнаго, какъ пѣсня соловья, я

попросилъ секретаря императора написать нѣсколько строкъ. Вотъ точная копія съ его рукописи :

Великолѣпный властитель повелъ меня въ свой дворецъ, среди общаго удивленія его придворныхъ. Самый роскошный пріемъ ожидалъ насъ въ царскихъ палатахъ. Балабанъ II (имя этого царя) постоянно обращался къ намъ за совѣтами и вѣрилъ имъ, какъ глаголу алкорана. Часто онъ спрашивалъ меня о состояніи Европейскихъ монарховъ и особенно о Велико-Британскомъ королевствѣ ; я говорилъ съ нимъ откровенно, и онъ сомнительно покачивалъ головой. Я совѣтовалъ ему ввести у себя правленіе, подобное Англійской конституціи, и установить парламентъ.

Его величество, будучи бездѣтнымъ съ согласіе всего народа назначилъ меня наслѣдникомъ престола, и затѣмъ не замедлилъ умереть. Аристократія и войско упрашивали меня принять корону. Я посовѣтовался съ друзьями и, въ первый разъ въ жизни побѣжденный демономъ властолюбія, согласился на такую глупость.

Теперь у меня было довольно власти, чтобъ уничтожить безобразный обычай моихъ подданныхъ—ѣсть живое мясо и пить каву. Съ этой цѣлью я старался уговорить большинство народа. Но народъ принялъ мою реформу дурно, и косо сталъ смотрѣть на иностранцевъ, которые пришли съ уставомъ своихъ нововведеній.

Сначала я дѣйствовалъ однимъ совѣтомъ и убѣжденіемъ; иногда я принималъ къ себѣ цѣлыя тысячи обѣдать за европейскимъ столомъ. Но все это было напрасно. Моя доброта породила ропоть; во мнѣ заподозрили какого-то фанатика и честолюбца, и видѣли личные расчеты въ моемъ желаніи образовать изъ этихъ тигровъ и крокодиловъ истинныхъ людей. Наконецъ замѣтивъ, что кроткое обхожденіе ни къ чему не ведетъ, я запретилъ, подѣ

угрозой строжайшаго наказанія, ѣсть живыхъ быковъ и пить каву.

Эта мѣра навсегда лишила меня популярности. Повсюду имя мое сдѣлалось предметомъ насмѣшки, пасквиля и панфлета. Въ такомъ положеніи я обратился за совѣтомъ къ моему благородному другу. Онъ явился въ полное собраніе и говорилъ такъ :

“Почтеннѣйшій Мюнгаузенъ, я думаю, что ваше величество попусту хлопочетъ приневолить народъ жить такъ, какъ онъ никогда не жилъ ; напрасно вы убѣждаете ихъ, что жареный быкъ, пудингъ, пирогъ, сахаръ и вино—прекрасныя вещи. Чтобъ понимать все это—надо родиться въ Англіи. Законами вкусу не учать ; вы забыли старую пословицу *de gustibus non disputandum sit* (о вкусахъ не спорять). Поэтому, я думаю, гораздо лучше для чести вашей имперіи и счастія вашихъ подданныхъ оставить всякія притѣснительныя мѣры, и дать народу полное право жить такъ, какъ онъ хочетъ. Если же вы непремѣнно хотите уничтожить ихъ варварскіе обычаи, то надо дѣйствовать болѣе нравственными средствами, чѣмъ указами и угрозой. Я совѣтовалъ бы на первый разъ, распро-

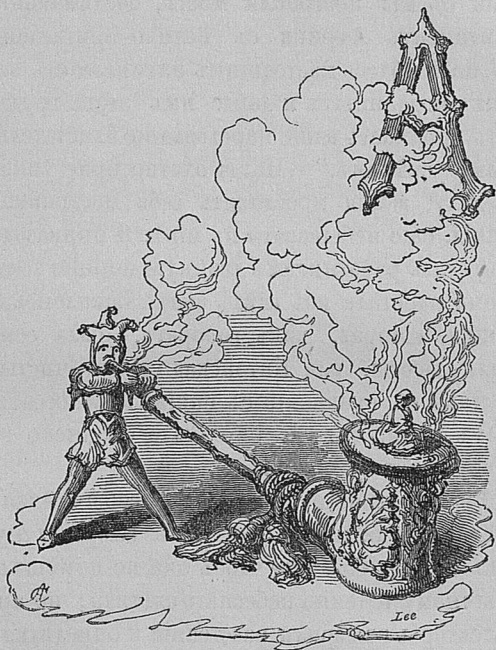
странить въ этой странѣ обыкновеніе пить кофэ поутру; вы увидите, что это невинное средство поведетъ за собой самыя радикальныя перемѣны въ варварской жизни этого народа. Отъ кофэ они скоро перейдутъ къ нашимъ завтракамъ, а отъ завтраковъ — къ обѣдамъ. Попробуйте, ваше величество, эту мѣру, и я даю вамъ честное слово вашего друга, что вы успѣете въ своемъ желаніи.”

На этотъ разъ я изумился уму и краснорѣчію моего ученнѣйшаго Гиларо; онъ такъ высоко сталъ надъ личными интересами, что вмѣсто джину откровенно посовѣтовалъ пить кофэ. Мнѣніе его было принято единодушно, и я на слѣдующее утро созвалъ во дворецъ огромное собраніе пить кофэ. Къ общему удивленію, всѣ мои аристократы и цвѣтъ благороднаго сословія нашли напитокъ превосходнымъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ обратился въ общее употребленіе всей имперіи. Юноши и старики, жены и дѣти, богатые и бѣдные—всѣ находили его нектаромъ, питьемъ боговъ и гурій. Я былъ безконечно радъ; снарядивъ особенный караванъ, я послалъ его въ Аравію за самой лучшей моккой, и приказалъ роздать ее по всей стра-

нѣ. Предсказаніе Фростикоса совершенно сбылось; кофэ вывелъ варварскій обычай моихъ подданныхъ и образовалъ ихъ. Я возвратилъ свою популярность, и отсель царствовалъ среди всеобщихъ благословеній.

ГЛАВА XXVI.

“Теперь, благороднѣйшій баронъ, сказалъ знаменитый Гиляро, наступило время дать народу

какое нибудь великое предпріятіе, достойное вашего славнаго правленія. Что вы думаете, если бъ мы построили мостъ, соединяющій континентъ Африки съ Велико-Британіей? Воспользуйтесь настоящимъ энтузіазмомъ вашихъ подданныхъ и дайте имъ этотъ трудъ. Онъ увѣнчаетъ ваше царствованіе блистательнымъ успѣхомъ.” Нація охотно приступила къ дѣлу, желая прославить себя постройкой зданія, еще небывалаго въ мірѣ. Я приказалъ отпускать работникамъ двойную порцію кофѣ, и они работали изъ всѣхъ силъ. Вавилонская башня, которая, какъ говорятъ, была семь миль высоты, или Китайская стѣна—чистые пустяки въ сравненіи съ нашимъ колоссальнымъ зданіемъ. И оно было окончено въ самое короткое время.

Высота нашего моста была необычайная; средняя арка подходила подъ самую луну, такъ что мы боялись, чтобъ она не помѣшала обычному теченію небеснаго свѣтила; но архитекторы измѣрили разстояніе и опредѣлили его очень точно. Луна свободно проходила надъ аркой, и по ночамъ служила ей лучшимъ фонаремъ. Общій видъ моста представлялъ радугу, хотя спускъ и восхожденіе его вовсе

не были трудны. Арки висѣли на желѣзныхъ цѣпяхъ, утвержденныхъ въ гранитныеobelisks; одинъ конецъ моста лежалъ въ самомъ центрѣ Африки, а другой на берегахъ Темзы. По математическому вычисленію, мостъ могъ поднимать тяжесть въ 100,000,000 пудовъ и долженъ былъ простоять до того отдаленнаго времени, когда Европа будетъ страной варварской, а Африка—образованной. Потомки наши повѣрятъ истину этого факта.

Когда кончилась постройка нашего изумительнаго моста, я приказалъ вырѣзать блестящую золотую надпись на главной аркѣ; буквы ея такъ велики, что всѣ корабли, идущіе въ восточную и западную Индію, могутъ читать ихъ очень ясно. Надпись слѣдующаго содержания: “Этотъ мостъ построенъ знаменитымъ Барономъ, владѣтелемъ центральной Африки, въ память его кругосвѣтныхъ путешествій. Онъ будетъ невредимо стоять до тѣхъ поръ, пока солнце и луна будутъ держаться въ своихъ вѣчныхъ орбитахъ. Только съ общимъ разрушеніемъ вселенной распадутся его арки иobelisks.”

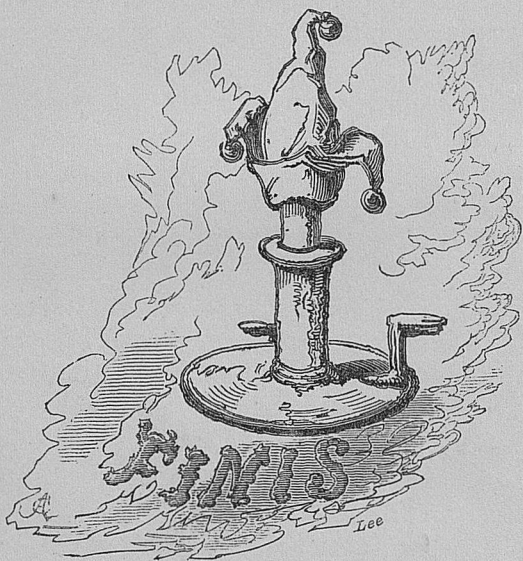
Такъ началось постоянное и самое удобное сообщеніе средней Африки съ Велико-Брита-

ніей, путешественники ринулись со всѣхъ сторонъ,—одни по дѣламъ, другіе изъ простаго любопытства.

Устроивъ жизнь народа варварскаго, я рѣшился сложить съ себя корону, потому что въ Англіи составилаь противъ меня враждебная партія. Простившись съ народомъ, я отправился въ путь среди необыкновеннаго торжества. На мосту, гдѣ я ѣхалъ съ своей свитой, выстроились двѣ линіи подданныхъ, посыпавшихъ мой путь цвѣтами; вѣнки и фестоны украшали арки; рукоплесканія раздавались по всему атлантическому океану. И какой былъ очаровательный видъ съ верхней арки! За нами тонула въ прозрачной дали Африка; на-право раскидывались долины Франціи и Пиреней; на-лѣво бѣжали корабли по океану. Въ подзорную трубу я видѣлъ воды Балтійскаго моря и Финскіе граниты. Однимъ словомъ, такого веселаго и разнообразнаго пути не было, нѣтъ и не будетъ на всемъ земномъ шарѣ.

Прибывъ въ старую Англію, я былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ восторгомъ. Весь Лондонъ сбѣжался посмотрѣть на меня, и лордъ-меръ, въ знакъ особеннаго уваженія, подалъ мнѣ ключи отъ города. Вечеромъ была

зажжена блистательная иллюминація ; и даже Родосскій Колоссъ, услышавъ о славѣ дѣлъ моихъ, вышелъ поздравить меня съ успѣхомъ великаго предпріятія, и съ этого времени имя Барона Мюнхаузена сдѣлалось именемъ всего свѣта .

Gun N 29075.

